

Перед вами самая ак-
туальная и увлекательная
любви-триллер историческая
романтическая сага времен
«Трех мушкетеров»
Александра Дюма.

Анн Голон

АНЖЕЛИКА

И ЕЕ ЛЮБОВЬ

Самая популярная романтическая сага всех времен.

Анн Голон
Анжелика и ее любовь
Серия «Анжелика», книга 6

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=128646*

*Анжелика и ее любовь : роман / Анн Голон ; пер. с фр. К. Северовой: Центрполиграф; Санкт-Петербург; 2015
ISBN 978-5-389-07433-0*

Аннотация

«Анжелика и ее любовь» – шестая из серии книг, открывшейся знаменитым историко-авантюрным романом «Анжелика – маркиза ангелов», написанным Анн Голон.

Анжелика, ее маленькая дочка Онорина и группа протестантов из Ла-Рошели, против которых ополчились королевские власти, оказываются на борту пиратского корабля «Голдсборо». Чудом им удастся ускользнуть от преследователей. Дороги мятежной красавицы и таинственного и могущественного предводителя пиратов Рескатора вновь пересеклись. Но обернется ли новый поворот судьбы той самой долгожданной встречей любящих сердец? И что ждет беглецов в неведомых краях?

Содержание

Часть первая	5
Глава I	5
Глава II	13
Глава III	23
Глава IV	28
Глава V	39
Глава VI	45
Глава VII	47
Глава VIII	50
Глава XIX	54
Глава X	58
Глава XI	62
Глава XII	68
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Анн Голон

Анжелика и ее любовь

Anne Golon

ANGÉLIQUE ET SON AMOUR

Copyright © Anne Golon – 1961

The Russian translation is done after the original text revised by the author.

© К. Северова (наследник), перевод, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

* * *

Часть первая Путешествие

Глава I

Чувство, что за ней исподтишка наблюдают, вывело Анжелику из забытья.

Она рывком приподнялась в поисках Рескатора, того пирата, который вчера велел перенести ее сюда, на полуют, в эти богатые, убранные в восточном стиле апартаменты. Она чувствовала, что он здесь, но никого не видела.

Она находилась в том же самом салоне, где прошлой ночью ее принял Рескатор, когда она прибежала просить его о помощи. После бурных драматических событий последних дней покойная обстановка этой необычной каюты показалась ей на мгновение удивительным сном. Не будь рядом с нею Онорины, она подумала бы, что все это ей снится, но девочка была тут, она начинала просыпаться и потягивалась, словно котенок.

В полумраке поблескивали золотом едва различимые мебель и безделушки на ней. В воздухе витал какой-то запах, и Анжелика не без волнения узнала аромат, исходивший от Рескатора. Верно, он сохранил эту утонченную привычку с той поры, когда жил на Средиземном море, как сохранил пристрастие к кофе, коврам, шелковым подушкам.

Порыв холодного ветра ворвался в огромное окно, принес с собой туманную влагу. Анжелике стало зябко. Она заметила, что шнуровка корсажа у нее распушена и обнажает грудь. Это смутило ее. Чья рука расшнуровывала его? Кто склонялся над нею в те минуты, когда она лежала в забытии? Чьи глаза, возможно даже с тревогой, вглядывались в ее бледное лицо, в ее застывшие черты, в помертвевшие от усталости веки?

Потом, верно, он убедился, что она просто выбилась из сил и уснула, и ушел, распустив корсаж, чтобы ей легче было дышать.

Скорее всего, это был просто знак внимания, но он выдавал человека, привыкшего обращаться с женщинами – со всеми женщинами, каковы бы они ни были, – с любезной непринужденностью; эта мысль неожиданно вогнала Анжелику в краску. Она с негодованием вскочила и быстро привела себя в порядок.

Зачем он приказал принести ее сюда, почему не оставил с протестантами? Он что, считает ее своей пленницей, предназначенной для его утех, несмотря на презрение, которое выказал ей при встрече?

– Есть здесь кто-нибудь? – громко спросила она. – Вы здесь, монсеньор?

Ответом ей были лишь шум моря и всплески волн. Но Онорина тут же проснулась и села, покачиваясь со сна. Анжелика склонилась к дочери и ревнивым движением, порывисто, как всегда, когда ей казалось, что этой хрупкой жизни грозит опасность, взяла ее на руки.

– Иди ко мне, сердечко мое, – прошептала она, – и ничего не бойся. Мы уже в море!

Она подошла к застекленной двери и была очень удивлена, когда дверь без труда открылась. Выходит, она не пленница...

На палубе было еще светло, но матросы уже зажигали первые фонари. По морю бежала легкая зыбь, и каким-то умиротворенным покоем дышал одинокий в пустынном океане пиратский корабль, словно совсем не он всего несколько часов назад подвергался смертельной опасности. Поистине, прелесть жизни ощущаешь тогда, когда близкая и почти неминуемая смерть пощадила тебя.

Сидевший на корточках около двери человек поднялся, и Анжелика увидела рядом с собой великана-мавра, который прошлой ночью приготовил для нее кофе. На нем был

белый шерстяной марокканский бурнус, в руке он держал мушкет с прикладом, отделанным чеканным серебром, – такие она видела некогда у стражи Мулая Исмаила.

– А где мои спутники? – спросила она.

– Идем, – ответил он, – господин приказал мне проводить тебя, когда ты проснешься.

Как все корабли, предназначенные для фрахта или морского разбоя, «Голдсборо» не был приспособлен для перевозки пассажиров. Помещения под полубаком, отведенные для команды, были вполне достаточны для этой цели, но не больше. А потому эмигрантов разместили в одном из отсеков нижней, пушечной палубы, где стояли замаскированные орудия корабля-пирата. Спустившись по небольшому трапу, Анжелика оказалась в кругу своих друзей, которые уже начинали кто как мог располагаться среди покрытых полотном пушек. В конце концов, на их бронзовых лафетах вполне можно было пристроить нехитрый скарб.

День еще не совсем угас, но здесь, внизу, уже становилось темно, розоватый свет с трюмом пробивался через открытый порт¹.

Не успела Анжелика войти, как к ней тут же бросились дети и друзья:

– Госпожа Анжелика! А мы уже и не чаяли увидеть вас...

И сразу посыпались жалобы:

– Здесь совсем темно... Нас заперли, словно пленников... Дети хотят пить...

В полумраке Анжелика различала их только по голосам. Громче всех звучал голос Аби-гель:

– Надо позаботиться о мэтре Берне. Он тяжело ранен.

– Где он? – спросила Анжелика, в душе упрекая себя за то, что совсем забыла о нем.

Ее провели к тому месту, где под открытым портом лежал мэтр Берн.

– Мы открыли порт, ведь раненому нужен свежий воздух, но он все равно до него почти не доходит.

Анжелика опустилась на колени перед раненым. В розоватом свете закатного солнца, которое еще немного освещало темное помещение, она смогла разглядеть лицо Берна и была поражена его бледностью и печатью страдания на нем, хотя Берн был без сознания. Дыхание у него было редкое и тяжелое.

«Он пострадал, защищая меня», – подумала она.

Сейчас в этом крупном мужчине, торговце из Ла-Рошели, который, утратив всю свою респектабельность, обессиленный лежал перед нею с обнаженными крепкими плечами и заросшей темными волосами широкой, словно у грузчика, грудью, было что-то трогательное. Расслабленный сном и болезнью мужчина.

Его спутники, совсем растерявшись, разрезали его запятнанный кровью черный сюртук, а рубашку порвали на бинты. В таком необычном виде он был просто неузнаваем. Между мирным торговцем-гугенотом, сидящим за конторкой над расчетными книгами в своей заваленной товаром лавке, и этим полуобнаженным мужчиной, казалось ей, пролегла глубокая пропасть. У нее вдруг мелькнула мысль, которая удивила ее, настолько она не подобала минуте: «А ведь он мог бы быть моим возлюбленным...»

Неожиданно он показался ей очень близким, уже словно принадлежащим ей, ее беспокойство удвоилось, и она нежно положила свою руку ему на запястье.

– Он так все время и лежит молча, не двигаясь?

– Да. Но его раны не кажутся нам тяжелыми. Ему саблей рассекли кожу на плече и с левой стороны груди. Раны немного кровоточат.

– Надо что-то делать...

¹ Порт – отверстие для жерла пушки в борту судна. – Здесь и далее примеч. перев.

– А что делать? – послышался злой голос доктора Альбера Парри. – У меня нет ни слабительного, ни клистира, и аптекаря поблизости нет, чтобы послать к нему за травами.

– Но вы могли бы захватить в дорогу свою медицинскую сумку, мэтр Парри! – воскликнула Абибель с неожиданной для всех пылкостью. – Это было бы не так уж обременительно!

– Ка... как! – буквально задохнулся от возмущения доктор. – До сумки ли мне было, когда меня без всяких объяснений буквально вытащили из постели и втокнули на этот корабль чуть ли не в ночной рубашке и колпаке, я даже глаз не успел протереть! И потом, в случае с Берном я не большой помощник. Я ведь не хирург.

Лорье, цепляясь за Анжелику, умоляюще спрашивал:

– Мой папа не умрет?

Чьи-то дрожащие руки теребили ее, она даже не понимала чьи – Онорины, Мартыля или руки матерей.

– Дети умирают от жажды! – не переставая твердила госпожа Каррер.

К счастью, их хотя бы не очень мучил голод, так как булочник щедро поделился со всеми своими бриошами; вот он-то, в отличие от доктора, не потерял в панике голову, и гонка через ланды не заставила его бросить свои припасы.

– Если эти пираты не принесут нам фонарь, я вышибу дверь! – откуда-то из темноты вдруг крикнул судовладелец мэтр Маниго.

И, словно они только и ждали раскатов этого громового голоса, появились два матроса с тремя большими фонарями. Укрепив их на переборках и на бимсах посередине помещения, они вернулись к двери и принесли чан, из которого исходил аппетитный запах, и ведро с молоком.

Это были те два мальтийца, которые конвоировали Анжелику. Несмотря на дикий вид, который придавали им оливковая кожа и жгучие черные глаза, они были славными людьми... если подобное можно было сказать хотя бы об одном члене команды этого пиратского корабля. Матросы поощряющим жестом указали пассажирам на чан с ужином.

– И как, по-вашему, мы должны это есть? – пронзительным голосом крикнула госпожа Маниго. – Вы принимаете нас за свиней, которые жрут из одной лохани? У нас нет даже тарелок!..

И, вспомнив о своей прекрасной фаянсовой посуде, разбившейся в песчаных дюнах, она разразилась истерическими рыданиями.

– А-а, пустяки, – сказала госпожа Каррер, женщина очень покладистая, – как-нибудь управимся!

Но и сама она смогла предложить лишь одну-единственную чашку, чудом сунутую в последнюю минуту в ее жалкий узелок. Анжелика на средиземноморском жаргоне, жалкие крохи которого всплыли в ее памяти, с грехом пополам объяснила матросам суть дела. Они в задумчивости поскребли затылок. Вопрос о мисках и ложках грозил перерасти в щекотливую проблему взаимоотношений пассажиров с командой. Матросы ушли, пообещав все уладить.

Сгрудившись вокруг чана, пассажиры долго обсуждали его содержимое:

– Это рагу с овощами.

– Во всяком случае, свежая пища.

– Выходит, нам будут давать не только галеты и солонину, как обычно в море.

– Видно, порядком награбили на берегу... Я слышал, как в трюме под нами хрюкали свиньи и блеяли козы.

– Нет, они их купили у нас и заплатили звонкой монетой. Мы сладили с ними добрую сделку.

– Кто еще там голос подает? – спросил Маниго, когда это замечание, сказанное на шарантском диалекте, дошло до его сознания.

Обернувшись, он в свете фонарей увидел незнакомцев: двух тощих крестьян и их жен, за юбки которых цеплялось с полдюжины оборванных отпрысков.

– А вы откуда тут взялись?

– Мы из деревни Сен-Морис, крестьяне-гугеноты.

– Вас-то как сюда занесло?

– Ну как же! Когда все побежали на берег, мы тоже побежали. А потом подумали: если все садятся на корабль, мы тоже сядем. Вы думаете, нам очень хотелось попасть в лапы королевских драгун? Ведь они могли выместить зло на нас. Особенно если бы узнали, что мы вступили в сделку с пиратами. Да и по правде говоря, что у нас там осталось? Почти ничего, ведь мы продали им своих последних коз и свиней... А раз так...

– Нас и без того много, – зло сказал Маниго. – Еще кормить бесполезные рты!

– Хочу заметить вам, сударь, – вмешалась Анжелика, – что вас это не должно заботить и, мало того, ведь именно благодаря этим крестьянам у вас сегодня такой ужин, поскольку он наверняка приготовлен из мяса их свиней.

– Но когда мы прибудем на Американские острова...

В разговор вмешался пастор Бокер:

– Крестьяне, умеющие обрабатывать землю и ухаживать за скотом, никогда не будут в тягость колонии эмигрантов. Братья мои, будьте же благожелательны друг к другу!

Спор прекратился, эмигранты приняли этих бедолаг в свой круг.

Для каждого из эмигрантов этот первый вечер на корабле, увозившем их к новой жизни, был чем-то почти нереальным. Еще вчера они спокойно легли спать в своих домах, богатых у одних, бедных у других. Страх перед грядущей судьбой немного утих, потому что мысль о предстоящем отъезде успокоила их. Решившись на отъезд, они приготовились пожертвовать всем, лишь бы плавание прошло безопасно и с удобствами. Но... гонка через ланды, и вот они качаются в ночном океане, вырванные из привычной жизни, почти безымянные, словно души проклятых на плоту Харона. Именно это сравнение приходило на ум мужчинам, в большинстве своем людям образованным, и поэтому они с таким скорбным видом смотрели на ужин, который от бортовой качки тихо плескался в чане.

А женщин одолевали иные, более земные заботы, им было не до воспоминаний о поэме Данте. За неимением кружек они по очереди поили детей молоком из единственной чашки госпожи Каррер. Дело это было непростое, потому что с приближением ночи качка усилилась. Обливаясь молоком, дети смеялись, а матери ворчали. Ведь у них не было почти никакой одежды, чтобы переодеть детей, а постирать – ну где же это можно сделать на корабле? Каждая минута приносила новые трудности. Сердца хозяек кровью обливались при мысли о запасах воды и мыла в их покинутых кухнях, о больших и маленьких щетках – разве можно стирать без щетки? – а булочница вдруг повеселела, вспомнив, что она-то щетку захватила, и победным взглядом окинула своих подавленных спутниц.

Анжелика снова подошла к мэтру Берну и опустилась рядом с ним на колени. Онорина уже исхитрилась в числе первых выпить свою чашку молока и теперь тайком вылавливала из супа кусочки мяса. За нее Анжелика была спокойна: девочка всегда умела постоять за себя!

Теперь все свое внимание Анжелика обратила на торговца. К ее беспокойству прибавлялись и угрызения совести, и чувство признательности.

«Если бы не он, сабля настигла бы меня или Онорину...»

Застывшее лицо Габриэля Берна, его долгое беспмятство тревожили ее. Сейчас, при неярком свете фонарей, она ясно увидела восковую бледность его лица.

Снова появились два матроса, они принесли дюжину мисок и роздали их пассажирам. Анжелика подошла к одному из них и, потянув за рукав, подвела к раненому, давая

понять, что тому требуется помощь. Матрос с довольно равнодушным видом пожал плечами и, закатив глаза, произнес: «О Мадонна! Среди матросов тоже много раненых, и, как на любом пиратском корабле, для них есть только два чудодейственных лекарства: ром и ружейный порох, чтобы промыть и прижечь раны. И еще молитвы Святой Деве». Последнее он, кажется, и советовал им.

Анжелика вздохнула. Чем она может помочь Берну? Она вспоминала все домашние средства, которым научила ее жизнь хозяйки и матери, и даже рецепты колдуньи, по которым она готовила снадобья и прикладывала их к ранам, когда со своим отрядом во время восстания в Пуату скиталась по лесам. Но сейчас у нее не было ничего, абсолютно ничего. Маленькие пакетики с травами лежали на дне сундука в Ла-Рошели, она даже не вспомнила о них в час бегства.

«И все же я должна была подумать об этом, – ругала она себя. – Ведь можно было просто сунуть их в карман».

Неуловимая дрожь исказила черты Берна, и Анжелика со вниманием склонилась над ним. Он шелохнулся, приоткрыл стиснутые губы, пытаясь глотнуть немного воздуха. Она видела, как он страдает, но ничем не могла помочь ему.

«А если он умрет?» – подумала она, и внутри у нее все похолодело.

Неужели их плавание начнется под знаком несчастья?

По ее вине дети Берна, которых она так любит, лишатся своей единственной опоры. А сама она? Она привыкла, что мэтр Берн всегда рядом с ней, привыкла к его поддержке. И теперь, когда снова рвутся все привычные связи, ей было страшно потерять его. Только не его! Ведь он верный друг и – она знает это – любит ее.

Анжелика приложила ладонь к его широкой груди, покрытой липкой испариной. Ей казалось, что тепло ее руки вернет его к жизни, передаст ему частицу ее силы, которую самой ей придавало осознание, что она в море и опасности позади.

Берн вздрогнул. Нежное прикосновение мягкой женской руки, должно быть, пробилось сквозь его беспмятство.

Он шевельнулся, и глаза его приоткрылись. Анжелика с тревогой ждала его первого взгляда. Что в нем – агония или знак того, что жизнь возвращается?

Его взгляд успокоил ее. С открытыми глазами мэтр Габриэль уже не выглядел таким слабым, и беспокойство, охватившее ее при виде этого крепкого мужчины поверженным, улетучилось. Хотя глаза его еще были затуманены долгим беспмятством, взгляд сохранил глубину и осмысленность. Сначала он обошел низкие своды скудно освещенного помещения, потом остановился на склоненном к нему лице Анжелики.

И в то же время она видела, что это не прежний мэтр Берн, потому что не помнила, чтобы он когда-либо смотрел на нее таким восторженным, пожирающим взглядом, даже в тот трагический день, когда, задушив полицейских, он взял ее на руки.

Всем своим видом он сейчас признавался ей в том, в чем, возможно, еще ни разу не признался даже самому себе. Он жаждал ее! Закованный в жесткий панцирь морали, рассудительности, сомнения, неистовый источник его любви мог вырваться наружу лишь в такой день, хотя Берн был очень слаб и, казалось, безразличен к окружающему.

– Госпожа Анжелика! – выдохнул он.

– Я здесь, с вами.

«Счастье, – подумала она, – что все заняты своими делами. Никто ничего не заметил».

Никто, разве только Абигель, которая, стоя неподалеку на коленях, молилась.

Габриэль Берн рванулся к Анжелике. И тут же застонал от боли, веки его снова сомкнулись.

– Он пошевелился, – прошептала Абигель.

– Он даже открывал глаза.

– Да, я видела.

Торговец, с трудом шевеля губами, прошептал:

– Госпожа Анжелика... где... мы?

– В море... Вы ранены...

Когда он закрывал глаза, ее робость перед ним исчезала. Она чувствовала, что должна заботиться о нем, как и в Ла-Рошели, когда он допоздна засиживался над счетами в лавке, а она приносила ему чашку бульона или глинтвейна, напоминая, что бессонные ночи вредны для здоровья.

Она погладила его широкий лоб. Ей и раньше, еще в Ла-Рошели, часто хотелось сделать это, когда она видела его озабоченным, удрученным тревожными мыслями, хотя он всегда старался скрыть свои чувства под суровым видом. Жест дружеский, материнский. Сегодня она могла позволить его себе.

– Я здесь, дорогой друг... Лежите спокойно...

Ее пальцы коснулись его слипшихся волос, и она быстро отдернула руку, увидев на ней кровь. О, так он ранен еще и в голову! Тогда эта рана и, главное, удар по голове и стали причиной его долгого беспмятства. Теперь ему нужен хороший уход, надо согреть его, перевязать, и он наверняка выкарабкается. На своем веку она повидала столько раненых, что могла оценить его состояние.

Она подняла голову и только тут уловила, что воцарилась какая-то напряженная тишина. Споры вокруг чана с ужином стихли, и даже дети замолчали. Она огляделась и с бьющимся сердцем увидела, что в ногах больного стоит Рескатор. Как давно он тут? Всюду, где появлялся Рескатор, сразу же воцарялась тишина. Тишина враждебная или просто настороженная, ее вызывала его плотная черная маска.

И снова Анжелика подумала, что он и впрямь какое-то необычное существо. Иначе чем объяснить то смятение и даже страх, которые она испытала, увидев его сейчас. Она не ожидала его прихода, другие, разумеется, тем более, и они в оцепенении смотрели на хозяина корабля так, словно это был сам дьявол. Особенно смущало то, что Рескатора сопровождала какая-то странная личность – высокий худой человек, одетый в белое платье, которое выглядывало из-под длинного, обшитого каймой бурнуса. Его угловатое лицо было словно вырезано ножом резчика и обтянуто морщинистой темной кожей, на крупном носу поблескивали стекла огромных очков в роговой оправе.

После полного волнений дня его вид поверг протестантов в ужас. Да и сам Рескатор выглядел в полумраке не менее зловеще.

– Я привел вам своего врача-араба, – сказал Рескатор глухим голосом.

Скорее всего, он обращался к Маниго, который стоял ближе всех к нему, но Анжелике казалось, что он обращается только к ней.

– Благодарю вас, монсеньор, – ответила она.

Альбер Парри проворчал:

– Арабский врач! Только его нам не хватало!

– Вы можете ему доверять, – возразила возмущенная Анжелика. – Медицинская наука арабов – самая древняя и совершенная в мире.

– Благодарю вас, сударыня, – ответил старик, не без явной иронии бросив взгляд в сторону своего коллеги из Ла-Рошели. По-французски он говорил очень чисто.

Он подошел к раненому и, быстро и легко манипулируя самшитовыми палочками, которые, казалось, едва касались тела, обследовал его. Мэтр Берн заворочался. И вдруг, когда этого меньше всего ожидали, сел на своем ложе и сердито выпалил:

– Оставьте меня в покое! Я всегда был здоров и сейчас тоже болеть не собираюсь.

– Вы не больны, а ранены, – терпеливо сказала Анжелика.

Она осторожно обвила рукой его плечи, чтобы ему легче было сидеть.

Врач по-арабски обратился к Рескатору. Раны, сказал он, хотя и глубокие, но неопасные. Единственное, что вызывает тревогу, – это сабельный удар по голове. Но поскольку раненый уже пришел в себя, последствия удара, возможно, выразятся лишь в упадке сил в течение нескольких дней.

Анжелика, наклонившись к мэтру Берну, перевела ему добрую весть:

– Он сказал, что если вы будете благоразумно вести себя, то скоро поправитесь.

Торговец приоткрыл один глаз:

– Вы понимаете по-арабски, госпожа Анжелика?

– Естественно, госпожа Анжелика понимает по-арабски, – ответил за нее Рескатор. – Разве вы не знаете, сударь, что в свое время она была одной из самых знаменитых пленниц на всем Средиземноморье?

Это бесцеремонное вмешательство показалось Анжелике подлым ударом из-за угла. И она смолчала сейчас только потому, что усомнилась, верно ли расслышала, – настолько это было гнусно.

Чтобы прикрыть раненого, она накинула ему на плечи свой плащ, ничего другого у нее не было.

– Врач пришлет лекарства, они облегчат ваши страдания. Вы сможете уснуть.

Она говорила спокойно, но внутри у нее все кипело от ярости.

Рескатор был высокого роста. Намного выше протестантов, которые в ватной тишине теснились за его спиной. Когда он повернул к ним свое лицо в черной кожаной маске, они отшатнулись. Но его взгляд с пренебрежением миновал мужчин и остановился там, где белели чепчики женщин.

Сняв шляпу с перьями, которую он носил поверх черного атласного платка, Рескатор любезно поклонился им:

– Сударыни, я пользуюсь случаем, чтобы сказать вам: «Добро пожаловать!» Я сожалею, что не могу предоставить больше удобств на своем корабле. Увы, мы не ожидали вас. И все же я надеюсь, что наше путешествие не будет для вас слишком неприятным. А сейчас я желаю вам доброй ночи, сударыни.

Даже Сара Маниго, привыкшая принимать гостей в своей роскошной гостиной в Ла-Рошели, не нашлась, что ответить на эту светскую любезность. Необычная внешность того, кто произнес их, странный тембр его голоса, в котором им слышалась – они и сами не могли понять – то ли насмешка, то ли угроза, лишили всех женщин дара речи. Они смотрели на него почти с ужасом. И когда Рескатор, произнеся еще несколько любезных фраз, в сопровождении старого арабского врача прошел между ними и направился к двери, кто-то из детей вдруг завопил от страха и бросился к матери.

И тогда робкая Абигель, собрав все свое мужество, осмелилась заговорить. Срывающимся голосом она сказала:

– Спасибо вам за добрые пожелания, монсеньор, мы очень благодарны вам за то, что вы спасли нам жизнь, отныне мы будем ежегодно благословлять этот день.

Рескатор обернулся. Из тьмы, которая уже почти пометила их, снова всплыла его странная фигура. Он подошел к побледневшей от волнения Абигель, пристально глядя на нее, коснулся рукой ее щеки и мягким, но непреклонным движением повернул ее лицо к свету.

Он улыбался. В резком свете ближнего к ним фонаря он какое-то время изучал это чистое лицо фламандской мадонны, ее большие светлые умные глаза, в которых читалось удивление и растерянность, и наконец сказал:

– Жители Американских островов будут в восторге, когда к ним привезут таких красивых девушек. Но сумеет ли Новый Свет оценить то богатство чувств, которое вы принесете им, моя крошка? Я надеюсь на это. А пока – спите спокойно и перестаньте терзать свое сердце из-за раненого...

Несколько презрительным жестом он указал на мэтра Берна:

– Я заверяю вас, что он вне опасности и вас не постигнет горе потерять его.

И не успели свидетели этой сцены прийти в себя, как дверь, подгоняемая сквозняком, захлопнулась за ним.

– По-моему, – мрачно произнес часовщик, – этот пират – сам Сатана.

– И как у вас хватило духу заговорить с ним, Абигель, – задыхаясь от волнения, сказал пастор Бокер. – Обратить на себя внимание человека такого толка весьма опасно, дочь моя!

– А этот его намек на жителей Островов, которые воспользуются... просто непристойен! – возмущенно сказал владелец писчебумажной фабрики мэтр Мерсело, глядя на свою дочь Бертий с надеждой, что та ничего не поняла.

Абигель спрятала в ладони пылающие щеки. За всю ее добродетельную жизнь – а она к тому же считала себя некрасивой – ни один мужчина не вел себя с ней с такой дерзостью.

– Мне... мне подумалось, что мы должны поблагодарить его, – пробормотала она. – Каков бы он ни был, он все-таки рисковал своим судном, своей жизнью, своими людьми... ради нас...

Она перевела блуждающий взгляд от двери, за которой исчез Рескатор, к распростертому Берну.

– Но почему он так сказал? – вскричала она. – Почему он так сказал?

Закрыв лицо руками, она истерически разрыдалась. Ничего не видя, дрожа всем телом, она оттолкнула от себя всех, кто пытался утешить ее, и убежала в дальний угол, на лафет пушки, где в отчаянии продолжала безудержно рыдать.

Этот взрыв спокойной Абигель послужил сигналом для женщин. Все, что они с трудом сдерживали в себе, вырвалось вдруг наружу. Ужас, пережитый ими в часы бегства, посадка на корабль глубоко потрясли их. Так часто случается в подобных ситуациях: когда опасность минует, женщины находят успокоение в криках и слезах. Женни, которая была на сносях, билась головой о переборку, повторяя:

– Я хочу вернуться в Ла-Рошель!.. Мой ребенок умрет!

Муж не знал, как ее успокоить. Маниго вмешался решительно и в то же время добродушно:

– Ну-ну, женщины, возьмите себя в руки... Сатана он или нет, но он прав: мы устали и нам пора спать... Успокойтесь. Я вас предупреждаю: той, кто будет еще кричать, придется плеснуть в лицо ковш морской воды.

Все разом умолкли.

– А теперь помолимся, – сказал пастор Бокер, – ибо, ничтожные смертные, мы до сих пор только стонали, а нам надо возблагодарить Бога за то, что Он даровал нам спасение.

Глава II

Воспользовавшись всеобщей сумятицей, Анжелика выскользнула наружу. Одолев трап, она остановилась на палубе, вцепившись в фальшборт. Насыщенный соленой влагой ночной воздух пронизывал ее, но это Анжелику не заботило. Ее достаточно согревали негодование и ярость.

Фонари, укрепленные на мачтах и леерах, прорезали глубокую темень. Но за грот-мачтой Анжелика различила на полуюте красный свет в апартаментах Рескатора. Уверенным шагом – к ней невольно вернулось обретенное на Средиземном море умение ходить по качающейся палубе корабля – она направилась в ту сторону.

В темноте она столкнулась с каким-то человеком и чуть было не закричала от испуга, почувствовав, как кто-то крепко стиснул ее запястье. Она осознала, что это мужчина, и, когда изо всех сил попыталась высвободить свою руку, оцарапала ее о перстень, который был у него на пальце.

– Куда вы спешите, госпожа Анжелика? – спросил голос Рескатора. – И зачем отбиваетесь от своей судьбы?

О, эта приводящая в отчаяние необходимость всегда разговаривать с маской! Он играл своим кожаным лицом, как демон. Она почти не видела его в этой тьме, и, когда подняла глаза на его голос, у нее было ощущение, что она обращается к ночи.

– Куда же вы направляетесь? Я могу надеяться, что вы спешили на полують, чтобы найти там меня?

– Разумеется! – воскликнула она. – Потому что я хотела предупредить вас, что не потерплю ваших намеков на мое прошлое, тем более в присутствии моих спутников! Я вам запрещаю, вы слышите, я вам запрещаю говорить им, что я была рабыней на Средиземном море и что вы выкупили меня в Кандии², что я была в гареме Мулая Исмаила и вообще все, что касается меня! Как вы посмели сказать им об этом?! Какое неуважение к женщине!

– Одни женщины внушают уважение, другие – нет.

– И я запрещаю вам оскорблять меня! Вы грубиян, в вас нет ни капли галантности... Заурядный пират!

Эти последние оскорбительные слова она бросила, вложив в них как можно больше презрения. Она уже не пыталась высвободиться, потому что теперь Рескатор держал ее обеими руками. Руки у него были горячие, как у человека здорового, привычного и к непогоде, и к жаре, и к холоду, и это тепло передавалось ей, дрожащей от тревоги и ожесточения.

Постепенно прикосновение его рук подействовало на нее благотворно. Но она была еще не в состоянии осознать это, настолько Рескатор казался ей омерзительным, и ей хотелось изничтожить его.

– Вы не потерпите... вы мне запрещаете... – повторил он. – Честное слово, вы теряете голову, маленькая мегера! Вы забываете, что я – единственный хозяин на борту и могу приказывать вздернуть вас на рее, бросить в море или отдать на потеху моим матросам, если мне того захочется. Таким же тоном вы, разумеется, разговаривали с моим добрым другом маркизом д'Эскренвилем? Разве он не излечил вас от желания спорить с пиратами?

Упоминание о д'Эскренвиле всколыхнуло память Анжелики. И без того до вчерашнего дня ее мучили воспоминания о ее полном самых невероятных приключений прошлом. А теперь, на этом корабле, где властвовал Рескатор, она могла вновь оказаться в водовороте давних событий.

² Кандия – старое название Крита и его столицы.

«О, пусть он меня отпустит, – молила она в душе, – пусть отпустит, иначе что меня ждет – я стану его рабыней, его игрушкой? Он лишает меня силы. Зачем?»

– Вы еще вспоминаете о дворе «короля-солнце», госпожа дю Плесси-Бельер? – спросил Рескатор тихо. – И потому так высокомерны? Берегитесь, ваш августейший любовник теперь не сможет защитить вас...

Она вдруг сложила оружие и мягко, но не без кокетства и даже, пожалуй, искренности, которые не раз умирляли направленную на нее самую опасную ярость, сказала:

– Простите мне мои необдуманные слова, монсеньор Рескатор. Я просто обезумела. Но поймите, у меня нет ничего, кроме уважения моих друзей. Ну что вы выиграете от того, что разлучите меня с ними?

– Ваше прошлое вызывает у вас такой стыд, что вы дрожите при мысли, что они узнают о нем?

Она ответила, и слова слетали с ее губ прежде, чем она успевала обдумать их.

– Когда половина жизни уже позади, когда так много пережито, какой человек, достойный этого звания, не найдет в своих воспоминаниях что-нибудь такое, что он не хотел бы сделать достоянием других?

– Ну вот, от гнева вы перешли к философии.

А она подумала: «Каким-то странным образом судьба снова свела меня с этим человеком. Почему?»

– Вы должны понять, – доверительно сказала она, словно разговаривала с другом, – что образ мыслей гугенотов очень отличен от нашего. Они совсем не такие люди, как вы или ваши пираты. Вы ужасно шокировали эту бедняжку Абигель, когда говорили с ней так фамильярно, и если бы они узнали, что я, пусть даже помимо своей воли, пребывала в таком скандальном положении...

И вдруг случилось то, чего она неосознанно какое-то время уже желала.

Он притянул ее к себе и с силой стиснул в своих объятиях. Не отпуская, он заставил ее сделать несколько шагов, и она оказалась прижатой к фальшборту. Волна ударила о борт корабля, плеснув водой в лицо Анжелики. На ее гребне она увидела светлую пенящую шапку. Тусклый свет луны, временами проглядывавшей из-за плотной гряды облаков, бросал на море неяркий серебристый отблеск.

– Неужели? – спросил Рескатор. – Неужели так уж велика разница между этими гугенотами и людьми моего экипажа? Между достойным, убеленным сединами пастором, которого я мельком видел, и мною, жестоким пиратом всех морей мира? Между благонравной и стыдливой Абигель и какой-нибудь мерзкой грешницей, вроде вас? Есть разница? Какая же, дорогая моя? Посмотрите вокруг...

Новая волна, ударившись о борт, снова обрызгала лицо Анжелики, и она, напуганная темной бездной, над которой он заставил ее склониться, дрожащей рукой вцепилась в его бархатный камзол.

– Нет, – сказал он, – мы ничем не отличаемся друг от друга. Отныне мы просто кучка людей, оказавшихся на одном корабле посреди океана...

Он говорил, и его губы находились в опасной близости от ее губ. Когда он не касался ее, она еще могла спорить с ним. Но теперь, почувствовав себя в его власти, словно обезумела. Она и сама не знала, чем объяснить охватившее ее странное смятение. Она так давно не испытывала ничего подобного: это были страх и... желание. Мысль, что он пользуется своей магической властью, чтобы закабалить ее, втянуть в немыслимую авантюру, сковала ее. «Если мы уже сегодня дошли до такого, – подумала она, – то к концу пути мы все спятим и поубиваем друг друга».

Анжелика так резко отвернулась, что губы Рескатора слегка коснулись ее виска. Она почувствовала прикосновение жесткой кожаной маски и, вырвавшись из его крепких объятий, отпрянула, на ощупь ища опору.

И тут же услышала его ироничный голос:

– Почему вы убегаете? Я хотел лишь пригласить вас поужинать. Если вы гурманка, то получите удовольствие, ведь у меня превосходный кулинар.

– Как только вы смеете предлагать мне такое?! – возмутилась она. – Послушать вас, то можно подумать, что мы находимся в парке королевского дворца. Я должна разделять судьбу своих друзей. К тому же мэтр Берн нездоров.

– Мэтр Берн? Это тот раненый, над которым вы склонялись с таким нежным беспокойством?

– Он мой лучший друг. То, что он сделал для меня и для моей дочери...

– О, прекрасно, не стану настаивать! Я согласен на отсрочку ваших долгов, но вы совершаете ошибку, предпочитая вашу сырую нижнюю палубу моим апартаментам, ведь, по-моему, вы мерзлячка. Кстати, что вы сделали с плащом, который я дал вам прошлой ночью?

– Не помню, – сказала Анжелика, понимая, что уличена.

Она провела рукой по лбу, как бы пытаясь вспомнить. О, она просто забыла про него и накинула на плечи другой, который дала ей Абигель...

– Я... кажется, забыла его дома, – сказала она.

И вдруг в ее памяти всплыл дом в Ла-Рошели с его погасшим очагом.

Она словно наяву снова увидела прекрасную мебель, блестящие медью кастрюли на кухне, затененные портьерами комнаты с неусыпными глазами ясных круглых венецианских зеркал, ковровые дорожки на лестнице, внимательно взирающие с портретов корсары и торговцы Ла-Рошели.

Тоска по этому прибежищу, где она хозяйничала всего лишь в роли служанки, – вот все, что уносила она из Старого Света! За этой мирной картиной постепенно затуманились сверкающий огнями Версаль, ее непримиримая борьба, горечь воспоминаний о замке дю Плесси, что затерялся в самом сердце Пуату, о его черных руинах, о разоренной, навсегда проклятой провинции.

Однако она уже давно не вспоминает о Монтелу. Поместье перешло к ее брату Дени, там родились его дети. Теперь они подстерегают в коридорах замка старую колдунью с протянутыми руками и закаляют в знатной нищете свое зачарованное детство.

Уже давно Анжелика утратила связь и с Монтелу, и с Пуату. И когда она спускалась на нижнюю палубу, ее преследовало лишь одно воспоминание: Габриэль Берн, прежде чем взять за руку Лорье и бежать, разбивает последние головешки в очаге своего дома...

В этот вечер перед мысленным взором изгнанников-протестантов стояли их прекрасные покинутые жилища в Ла-Рошели – покинутые, несмотря на ясный свет неба Ониса³, который озаряет их фасады. Закрытые ставнями окна – как мертвые глаза, но дома ждут, и только шелест пальм во дворе и испанской сирени у стен напоминают там о жизни.

На нижней палубе было темно и сыро. Два фонаря наконец погасили, чтобы сморенные усталостью дети могли уснуть. По углам шептались-шушукались. Кто-то из мужчин успокаивал жену: «Вот увидишь... увидишь... когда мы приплывем на Американские острова, все изменится».

Госпожа Каррер донимала мужа:

³ Онис – название провинции, в которую входила Ла-Рошель.

– Но на Островах вы хотя бы будете вести себя более благоразумно, чем в Ла-Рошели? Иначе чего ради мы должны были все потерять?

Анжелика подошла к освещенному кругу, в котором подле раненого бодрствовали Маниго и пастор. Габриэль Берн лежал расслабленно, спокойно. Он спал. Мужчины коротко сказали Анжелике, что приходил арабский врач с помощником. Они перевязали мэтра Берна и заставили его проглотить какую-то микстуру, которая ему очень помогла.

Она не настаивала на том, чтобы сменить их сейчас. Она чувствовала потребность в отдыхе, и не потому, что так уж устала, просто в голове у нее был полный сумбур. Она вдруг утратила свою обычную уверенность, впрочем темень и бортовая качка, возможно, сыграли здесь не последнюю роль.

«Утром будет светло. И я во всем разберусь».

Анжелика почти машинально принялась искать Онорину. Но тут в темноте кто-то схватил ее за руку. Северина показала ей на своих спящих братишек.

– Я уложила их спать, – гордо сказала она.

Она прикрыла мальчиков их плащами и обложила ножки невесть откуда взявшейся соломой. Северина была настоящей маленькой женщиной. Обычно такая ранимая, она оказалась стойкой в часы испытаний. Анжелика дружески обняла ее.

– Дорогая моя, – сказала она, – мы даже не смогли с тобой спокойно поговорить с тех пор, как я отправилась искать тебя в Сен-Мартен-де#Ре.

– О, все взрослые такие взбудораженные, – вздохнула девочка, – а ведь именно сейчас мы должны бы успокоиться, госпожа Анжелика. Я все время помню, и Мартыаль тоже, что теперь мы избавились и от монастыря, и от иезуитов.

И она быстро добавила, словно упрекая себя в легкомыслии:

– Правда, отец ранен, но, мне кажется, это все же меньшее несчастье, чем если бы его упрятали в тюрьму и навсегда разлучили с нами... И потом, врач в длинном одеянии пообещал, что завтра отец уже начнет поправляться... госпожа Анжелика, я хотела уложить Онорину, но она сказала, что не ляжет, пока не получит свою коробочку с сокровищами.

Логика любой матери непостижима. Из всех несчастий, обрушившихся на них за эти последние несколько часов, потеря коробочки с сокровищами дочери показалась Анжелике самым тяжким и непоправимым. Она расстроилась. Онорина спряталась за пушкой и стояла там насупившаяся, словно лесная сова.

– Я хочу свою коробочку с драгоценностями.

Анжелика колебалась, не зная, как повести себя с дочерью – постараться уговорить ее или потребовать беспрекословного подчинения, – как вдруг увидела, что Онорина не одна, она прильнула к чьей-то сжавшейся в комок фигуре.

– Абигель, это вы? Но почему вы здесь?

Удрученный вид Абигель, которая обычно держалась с достоинством, обеспокоил ее.

– Что с вами? Вы заболели?

– О, мне так стыдно, – ответила Абигель глухим голосом.

– Отчего?

Абигель не была ни глупышкой, ни ханжой. И вовсе не собиралась тревожиться из-за того, что Рескатор коснулся ее щеки.

Анжелика заставила ее выпрямиться и посмотреть ей в глаза:

– Что такое? Я не понимаю.

– Но его слова, это же ужасно!

– Какие слова?

Анжелика постаралась припомнить эту сцену. Если манера Рескатора вести себя с Абигель ей тоже показалась и оскорбительной, и неуместной, хотя это была его обычная манера вести себя, то слова его не покоробили ее.

– Вы не поняли? – пробормотала Абигель. – Правда?

Волнение сделало ее моложе, щеки у нее горели, взгляд был обиженный, и сейчас особенно бросалось в глаза, как она красива. Но нужно было быть этим проклятым Рескатором, чтобы мгновенно отметить ее красоту. Анжелика подумала, что вот только сейчас он обнимал ее и ведь у нее не было желания вырваться из его рук. Так, верно, он обращается со всеми, кто окружает его, и особенно с женщинами, словно он имеет на них право первой ночи.

Она невольно вознегодовала на него.

– Не обращайтесь внимания на поведение хозяина корабля, Абигель. Просто вы не привыкли к такого рода мужчинам; даже среди всех авантюристов, с которыми мне приходилось встречаться, он самый... самый...

Она не находила подходящего слова.

– Самый невозможный, – заключила она. – Но благодаря ему мы избежали неминуемой гибели. Я не знала никого, кроме этого находящегося вне закона человека, кто бы мог спасти нас от ужасной судьбы. Теперь мы в его власти. Придется нам смириться и с ним, и с его командой, но надо быть настороже, постараться не озлобить их. Во время своих скитаний по Средиземноморью – к чему теперь отрицать это, раз уж он так не слишком галантно поставил вас об этом в известность, – я встретила с ним всего один раз, но слава о нем шла великая. Для этого пирата не существует ни веры, ни закона, но, мне кажется, он не лишен чести.

– О, он совсем не кажется мне страшным! – пробормотала Абигель, мотая головой.

Она уже немного успокоилась, подняла на Анжелику взгляд, и теперь в нем снова сквозила мудрость.

– Мы ежедневно сталкиваемся со многими людьми, и сколько тайн в каждом из них! – мечтательно произнесла она. – Вот вы, Анжелика, ревниво охраняли свое прошлое, а сейчас, когда занавес над ним приподнялся, стали мне еще ближе и в то же время – немного дальше. Сможем ли мы когда-нибудь вновь, как прежде, понимать друг друга?

– Я думаю, да, дорогая, дорогая моя Абигель. Если вы хотите этого, мы будем друзьями.

– Я жажду этого всей душой. Если там, куда мы плывем, ненависть и мелочность окажутся в нас сильнее, чем любовь, мы разобьемся, как стекло, – мы не сможем выжить.

А ведь она высказала ту же самую мысль, что совсем недавно Рескатор, подумала Анжелика. «Отныне мы просто кучка людей, оказавшихся на одном корабле... со своими страстями, сожалениями... и надеждами».

– Это так странно, Анжелика, – почти шепотом продолжала Абигель, – вдруг открыть иные измерения жизни. Словно внезапно отдернули театральный занавес, который обнаружил новую декорацию, до бесконечности расширил то, что мы считали уже познанным, неизблемым... И то, что так неожиданно открылось мне сегодня... Я буду помнить этот день до самого своего смертного часа... Не из-за того, что мы избежали смертельной опасности, а из-за сегодняшнего откровения... Наверное, это так и должно быть, мне надо подготовиться к той жизни, которая ждет нас за морем... Нам всем надо отрешиться от старого... Я глубоко убеждена, что сесть на этот корабль... *именно на этот*... заставил нас чей-то указующий перст.

Глаза ее блестели, и Анжелика уже не узнавала в этой страстной натуре ту неприметную девушку, почти смиренницу, какой она выглядела в Ла-Рошели.

– Этот Рескатор, которого вы назвали человеком вне закона, Анжелика, я уверена, умеет читать по глазам самые глубокие тайны души. У него есть дар.

– На Средиземноморье его называли Магом, – прошептала Анжелика.

Доверительный разговор с Абигель совершенно непонятно почему – да она и не пыталась понять это – пришелся Анжелике по душе. Ей показалось, что впереди ее ждет что-то

прекрасное. Она слушала, как плескались о борт волны. Покачивание корабля дурманило ее, и она с удовольствием провела бы всю ночь с Абигель, рассказала бы ей о своем прошлом, о Рескаторе, если бы долг матери не призвал ее вернуться к заботам об Онорине.

– А Онорина не желает ложиться спать без коробочки со своими сокровищами! – вздохнула она, кивнув в сторону дочери, которая, все еще насупившись, с непримиримым видом стояла рядом с ними.

– О, как же я могла забыть! – вскричала Абигель, вскакивая.

Теперь она уже совсем овладела собой. Быстрым шагом подойдя к тому месту, где лежали ее пожитки, она вернулась с маленькой деревянной коробочкой, которую Мартьяль когда-то смастерил для Онорины.

– Господи, Абигель! – всплеснула руками Анжелика. – Вы подумали и об этом! Вы просто ангел! Просто прелесть! Онорина, вот твои ракушки!..

А потом все стало просто. Умиротворение, охватившее сердечко Онорины, передавалось и ее матери. Анжелика разложила на палубе кое-какую одежду, которую она захватила с собой, а ее юбка и кофта прекрасно заменили малышке одеяло.

Растянувшись рядом с Онориной, Анжелика подумала, что теперь у девочки есть все, что ей надо. А самой ей доводилось спать и в тюрьме, где было гораздо неудобнее. Однако ей было зябко, и сон не шел к ней. Она прислонилась головой к переборке и попыталась собраться с мыслями.

Что-то будет завтра?

Она еще ощущала на запястьях крепкие руки Рескатора. Когда она подумала об этом, ее охватила какая-то слабость. И оттого что ее пробирал холод, воспоминание о той минуте было и приятно, и пугающе. Ведь под бархатным камзолом ее рука почувствовала не тепло тела, а что-то твердое. Латы, стальной нагрудник? Человек риска, которого на каждом шагу поджидает смерть. Его сердце заковано в латы. Впрочем, есть ли у него сердце?

Может ли она совершить глупость и влюбиться в этого человека? Нет! Теперь она вообще уже не способна влюбиться ни в кого. Так что же? Он обольщает и завораживает ее каким-то колдовством, как... тот, кто некогда внушал ей похожие чувства, которые приносили ей радость и пугали одновременно? И тогда тоже поговаривали, будто тот человек обладает колдовской силой и привораживает к себе женщин...

Свет лампы осветил ее лицо, она сощурилась.

– А, вот вы где.

Мохнатая голова склонилась к ней. Это был Николя Перро в своей меховой шапке.

– Хозяин приказал мне принести вам вот это, а вашему ребенку – гамак.

«Вот это» оказалось теплой тканью, не то покрывалом, не то одеялом, тяжелым, мягким, обшитым каймой, – такую ткань ткут погонщики верблюдов в Аравийской пустыне. Она даже сохранила восточный аромат.

Николя Перро, как заправский мастер, уже прикрепил гамак к нижним балкам. Анжелика переложила Онорину так тихо, что девочка даже не проснулась.

– Так будет потеплее и не сыро. К сожалению, мы не можем предоставить это всем. У нас на борту нет одеял на такую ораву. Мы не ожидали такого груза. Ну ничего, когда войдем в зону льдов, вам принесут горшки с углями.

– Поблагодарите от моего имени монсеньора Рескатора.

Он подмигнул ей в знак согласия и вразвалку удалился в своих огромных сапогах из тюленьей кожи.

В тесном отсеке нижней палубы стоял храп. Потушили и второй фонарь, оставив свет лишь около раненого. Но и там, кажется, все было спокойно. Анжелика завернулась в свое роскошное одеяло.

Утром спутники не преминут обратить внимание на особый почет, которого она удостоена. Неужели Рескатор не мог прислать ей что-нибудь поскромнее, не слишком бросающееся в глаза? Нет, он сделал это нарочно. Ему нравилось выводить людей из себя, возбуждать их любопытство, их зависть, их низменные, необузданные инстинкты.

Это одеяло – тоже оскорбление для других, оставшихся ни с чем.

Но возможно, он просто и не принимает других в расчет? Рескатор окружил себя дорогими вещами. Он не умеет делать обычные подарки. Это недостойно его. Похоже, что в его жилах течет благородная кровь, как у... «У него нет шпаги, он носит саблю, но, я поклялась бы, он настоящий сеньор... приветствие, которое он вечером адресовал дамам, не было ни игрой, ни позерством. Он просто не умеет приветствовать иначе как с истинным благородством. И я никогда не встречала мужчину, который бы умел носить свой плащ так изящно, как он, кроме...»

Ее мысль неизбежно приводила к сравнению, которое каждый раз упорно ускользало от нее. Где-то в ее памяти жил человек, которого напоминал Рескатор...

«Он похож на кого-то, кого я хорошо знала. Может быть, именно потому, что иногда мне кажется, будто мы давно знакомы, я веду себя с ним так, словно он мой старый друг. Нет, просто тот был человек такого же склада, ведь похож – это просто метафора, я же никогда не видела лица Рескатора. Но непринужденность, естественность, с которой он подчиняет себе других, посмеивается над ними, – да, все это мне знакомо. И впрочем... тот тоже носил маску...»

Сердце ее трепетно билось. Ее вдруг бросило в жар, потом – в холод. Она села и поднесла руку к горлу, словно пыталась отвести необъяснимый страх, который овладевал ею.

«Тот тоже носил маску... Но иногда он снимал ее, и тогда...»

Она удержала готовый вырваться из груди крик. В мозгу словно что-то щелкнуло.

Она вспомнила.

И тут же нервно рассмеялась.

«Ну ладно, пусть так... Теперь я знаю, на кого он похож... Он похож на Жоффрея де Пейрака, моего первого мужа... Именно это сравнение все время ускользало от меня».

Ее продолжало трясти, словно в лихорадке. В голове одна за другой, будто сигнальные огни в ночи Кандии, вспыхивали разноцветные молнии...

«Он похож на него!.. Он прячет свое лицо под маской... он властвовал на Средиземном море... Что, если это... он?»

Удушающая волна залила ее грудь. Ей казалось, что ее сердце сейчас разорвется от радости.

«ОН... И я его не узнала!..»

Потом она перевела дыхание... И почувствовала облегчение и – разочарование!

«Как я глупа!.. Что за безумная мысль! Просто смешно!»

Перед ее мысленным взором снова возникла восхитительная Тулуза и знатный сеньор, который подошел к своей юной супруге. Почти забытое воспоминание. И если она не могла четко вспомнить черты его лица, немного стершиеся в ее памяти, то ясно увидела роскошные черные волосы, которые особенно удивили ее, когда она узнала, что он без парика, и потом, главное, его прихрамывающую походку, что так пугала ее тогда, – походку, из-за которой его звали Великим лангедокским хромым.

«Какая я глупая! Как я могла хотя бы на секунду допустить подобную мысль?...»

Поразмыслив, она признала, что в Рескаторе есть что-то такое, что могло привести ее к этой нелепой мысли, и у нее просто разыгралось воображение. Язвительность, непринужденность – да. Но у него странная голова – как у хищной птицы, она кажется малень-

кой на большом гофрированном испанском воротнике. У него уверенная походка, крепкие плечи...

«Мой муж был хромым. Но он приспособился к этой напасти настолько, что о ней забывали. Его блестящий ум восхищал, но в нем не было злости, как у этого морского авантюриста...»

Она заметила, что вся покрыта потом, словно после приступа лихорадки. Натянув на себя мягкое одеяло, она задумчиво погладила его пальцем.

«Злость? То ли это слово? Возможно, у Жоффрей де Пейрака были похожие жесты, та же галантность... Но как посмела я сравнивать! Жоффрей де Пейрак был самым знатным тулузцем, знатным сеньором, почти королем. Рескатор же, хотя он самонадеянно и заставляет называть себя монсеньором, в конце концов, всего лишь пират, живущий грабежами и незаконной торговлей. Такие люди один день сказочно богаты, назавтра – беднее нищего, их постоянно преследуют, словно висельников. Эти корсары воображают, будто могут убежать свое богатство. Но нет ничего незыблемого, особенно для них... Легко нажитое богатство легко теряется...»

Она вспомнила маркиза д'Эскренвиля перед его объатым пламенем кораблем.

«Все они – игроки, и игроки опасные, ведь их сила изначально зиждется на том, что они приносят в жертву человеческие жизни. А Жоффрей де Пейрак, напротив, был эпикурейцем. Он ненавидел насилие. Да, жизнь Рескатора зиждется на трупах. Его руки обагрены кровью...»

Она вспомнила о Канторе, о галерах, затонувших под пушками этого пирата. Ведь она собственными глазами видела галеру королевской эскадры, поглощенную морской пучиной вместе с каторжниками-гребцами, видела и легкий трехмачтовый парусник Рескатора, который, словно стервятник, кружил около них.

«И однако, именно этот человек притягивает меня... ведь он действительно притягивает меня, я не могу не признаться себе в этом».

Надо смотреть правде в глаза! Анжелика крутилась на деревянной откидной койке, не в силах сомкнуть глаз. Ведь именно к Рескатору она прибежала за помощью. Именно в его руки отдалась с доверием, совсем утратив благоразумие.

Что имел он в виду, сказав ей, что «согласен на отсрочку долгов»? Каким образом рассчитывает заставить ее оплатить услугу, которую согласился оказать, несмотря на злую шутку, которую она сыграла с ним?

«Вот чем он решительно отличается от моего бывшего мужа. Он не может оказать услугу бескорыстно, сделать что-то просто так, а ведь как раз в этом-то и проявляется истинное благородство. Жоффрей де Пейрак был истинным рыцарем».

Ей пришлось приложить усилие, чтобы произнести это имя, которое она так долго таила в своем сердце.

Жоффрей де Пейрак!

Как давно запретила она себе воскрешать его в своей памяти? Как давно она потеряла надежду найти его в этом мире живым?

Ей показалось, что она уже смирилась с этим. Но охватившее ее волнение заставило вдруг осознать, что надежда, несмотря ни на что, продолжает жить в ней.

Жизни не удалось вычеркнуть из ее памяти те восхитительные годы безмерного счастья. Впрочем, разве сама она сейчас похожа на ту, что некогда была графиней де Пейрак?

«Тогда я ничего не умела. Но была абсолютно убеждена, что умею все. И считала вполне естественным, что он любит меня». Образ супружеской пары, которую являли она и граф де Пейрак, заставил ее улыбнуться. Это поистине стало образом, картинкой, и теперь она могла разглядывать ее без особой грусти, словно портреты двух чужих людей.

Их богатый, пышный дворец, вышколенные слуги, место, которое занимал в королевстве сеньор из Аквитании, – все это, казалось ей, не имеет ни малейшего отношения к заполненному эмигрантами и пиратами таинственному кораблю, плывущему к неведомой земле.

И потом – прошло пятнадцать лет!

Королевство далеко, король никогда не найдет Анжелику дю Плесси-Бельер, бывшую графиню де Пейрак. Но король, по крайней мере, живет в свое удовольствие в окружении своих марионеток, в обрамлении огромного блистательного Версаля.

Да, когда-то и она была одетой в золотую парчу дамой высшего света, фавориткой властителя могущественной страны, которая заставляла трепетать чуть ли не полмира.

Но чем дальше влекло челн ее жизни, тем больше терял свою притягательность Версаль. Он как бы застывал, принимая вид фальшивой и напыщенной театральной декорации.

«Только сейчас я по-настоящему живу, – говорила она себе, – только сейчас стала самой собой... или, во всяком случае, на пороге того. Потому что всегда, даже при дворе, я страдала, чувствуя неполноту жизни, чувствуя, что я не на своем месте».

Она встала, чтобы взглянуть на опоясывающую корабль пушечную палубу, где спали сраженные невзгодами и усталостью люди.

Охватившее ее вдруг волнение, предвестник нового чувства, почти напугало Анжелику. Разве можно вот так просто отринуть свое прошлое, все то, что тебя формировало, наложило на тебя свой отпечаток, всех тех, кого любила... и кого ненавидела. Это чудовищно!..

И однако, это было так. Бедняжка, она чувствовала, что лишилась всего, даже своего прошлого. Она приближалась к той поре своей жизни, когда единственным богатством, которым владеешь и которое никто не сможет у тебя отнять, являешься ты сама. Все те общительные женщины, которые жили в ней и так долго боролись друг с другом, – женщины верной и женщины ветреной, честолюбивой и великодушной, мятежной и покорной – помимо ее воли покинули ее и принесли душе мир.

«Неужели я пережила все это только ради того, чтобы в конце концов в один прекрасный день оказаться среди чужих людей на чужом корабле, плывущем в чужие края!»

Но должна ли она забыть *также* и Жоффрея де Пейрака? Оставить его там, в прошлом?

Острая боль при мысли о том, чем могла бы стать их любовь, пронизала ее, словно удар кинжала. Впрочем, как и многие супружеские пары, с которыми она встречалась, не убили бы они свою любовь за эти годы? Или им все же удалось бы избежать тех ловушек, которые подстраивает жизнь?

«Трудно сказать. Я знала его так мало...»

Впервые она признавалась себе, что Жоффрей де Пейрак, хотя она и была его женой, всегда оставался для нее загадкой. В недолгие годы их совместной жизни любовь и то наслаждение, которое она приносит, во что так искусно посвящал ее знатный тулузский сеньор, старше ее на двенадцать лет, занимали в их жизни гораздо большее место, чем поиски глубокого взаимопонимания, и у нее просто не хватило времени оценить как свои моральные качества, так и реальные и неизменные черты характера Жоффрея де Пейрака, безудержного фантазера, так любившего приводить в замешательство других.

Она и себя научилась понимать только в жестокой борьбе, на которую вызвала ее жизнь и которую она вынуждена была вести в одиночестве.

В одиночестве, всегда в одиночестве.

Хотя она два раза была замужем, была матерью, судьба так распорядилась, что она всегда была одинока.

Одна решала, как ей жить, одна выбирала, повернуть ли ей направо или налево, одна – идти или не идти по той или иной дороге. И не было рядом человека, на плечо которого

можно было бы, закрыв глаза, склонить голову: «Что за важность – куда! Веди меня! Ведь я твоя жена, и все, чего хочешь ты, хочу я».

Одиночество приучило ее к тому, что она всегда поступала только согласно своим желаниям. И уже начинала замечать, что устала от такой жизни, ведь это так несвойственно женской натуре!

И тут Анжелика вдруг возмутилась. Что это она сегодня сетует на одиночество? До сих пор ничто не свидетельствовало о ее склонности к послушанию!

Согласилась бы она теперь на то, чтобы кто-то направлял ее? В конце концов, она лучше, чем большинство мужчин, знает, как должна поступать. И ярмо зависимости только ожесточило бы ее.

Мэтр Берн теперь не замедлит сделать ей предложение. Сейчас он ранен. Это дает некоторую отсрочку. Но он ее любит, он попросит ее руки, и что она ему ответит? И «да» и «нет» казались ей равно невозможными, потому что она и боялась связать себя с ним, и в то же время нуждалась в нем. Ей необходимо было чувствовать себя любимой.

«Вот путы, обретя которые я вздыхаю с облегчением, – подумала она. – Путы любви. Но может ли любовь быть без оков?»

Последняя мысль заставила ее вздрогнуть.

«Но это неправда! Я ненавижу любовь! Я не хочу любви!»

Ей показалось, что все в ее жизни уже позади. Она навсегда останется одинокой. Останется вдовой. Такова ее судьба: вдова, связанная утраченной любовью, которую она сохранит в сердце до своего смертного часа, связанная тоской по прошлому. Она будет жить достойно. Она вырастит счастливой и красивой Онорину, свое дорогое дитя. На Островах у нее не останется времени скучать, там придется создавать новую жизнь. Она станет другом всем, особенно детям, и не предаст свою женскую судьбу, которая предназначила ее к тому, чтобы отдавать себя людям.

Что же касается Рескатора... Она не может не принимать его в расчет. На какое-то время она сумела отстранить от себя его образ, но он возвращался, неотступно возвращался к ней. Он был слишком близко.

Он больше не был мертвецом, как она считала долгое время. Его присутствие было слишком живым, осязаемым, и этого оказалось достаточно, чтобы Анжелика растерялась, не зная, как ей избежать ловушек, самая опасная из которых, казалось, находится в ней самой. К счастью, она теперь знает, почему пылает ее сердце, почему так разыгралось воображение. Какое-то неуловимое сходство в поведении, в манерах с тем, кого она когда-то так любила, постепенно заморозило ее. Но она не позволит хозяину «Голдсборо» сделать ее своей игрушкой.

Сон уже одолевал ее... «Да и нет никакого сходства, – твердила она себе, засыпая, – кроме... чего? Надо при первой же возможности внимательно приглядеться к Рескатору...»

Нет, она ни в чем не виновата, просто из-за этого сходства, из-за воспоминаний, которые нахлынули на нее, она, несмотря ни на что, немного... влюблена.

Глава III

На следующий день мэтр Габриэль Берн сделал ей предложение.

Он уже совсем пришел в себя и казался почти здоровым. Он сидел, опираясь на большую подушку, набитую соломой, которую Абигель и Северина надергали из подстилки для коз и коров в трюме, и, хотя левая рука его была на перевязи, снова обрел свой привычный вид: исчезла бледность, глаза смотрели спокойно. Он признался, что умирает от голода. К середине утра мавр, страж апартаментов Рескатора, от имени своего господина принес для раненого маленький серебряный котелок с превосходным рагу, тонко приправленным пряностями, а также бутылку старого вина и два небольших кунжутных хлебца.

Появление огромного араба вызвало сенсацию. Он выглядел добрым ребенком, и его тут же окружила любопытная детвора, а он смеялся, скаля свои крепкие белые зубы.

– Всякий раз, кто бы из его молодцов ни пришел к нам на нижнюю палубу, он оказывается иной расы, – заметил мэтр Габриэль, провожая отнюдь не приветливым взглядом уходящего мавра, – этот экипаж представляется мне более пестрым, чем костюм Арлекина.

– Мы еще не видели азиата, но зато я уже встретил индейца, – взволнованно заметил Мартьяль, – да, да, я уверен, это индеец, самый настоящий. Он одет, как и все остальные матросы, но у него черные косички и красная, как кирпич, кожа.

Анжелика поставила принесенную еду около мэтра Берна:

– К вам относятся как к почетному гостю.

Торговец что-то неразборчиво пробормотал и, поскольку Анжелика приготовилась его кормить, вдруг почти с гневом воскликнул:

– За кого вы меня принимаете? Я не новорожденный!

– Но вы еще слабы.

– Слаб? – переспросил он и расправил плечи, но тут же его лицо исказила гримаса боли.

Анжелика рассмеялась. Ей всегда нравилась его спокойная сила. Он словно излучал покой, создавал чувство защищенности. Дородность еще больше придавала ему вид, внушающий доверие. Это не была тучность любителей вкусно поесть, которые напоминают подушку или раздувшегося моллюска. Она как бы выражала его сангвинический темперамент, и в молодости он, должно быть, полнел, не теряя силы. Он выглядел старше своих лет и потому с первых шагов в своем деле пользовался уважением со стороны клиентов и компаньонов. Отсюда и то непритворное почтение, которое выказывают ему по сей день. Анжелика снисходительно смотрела, как он, поставив около себя котелок и действуя одной рукой, с аппетитом поглощает рагу.

– Вы могли бы стать тонким гурманом, мэтр Берн, если бы не были гугенотом.

– Я вполне мог бы стать еще кем-то, – ответил он, бросая на нее загадочный взгляд. – У каждого человека, как у ткани, есть лицо и изнанка.

И добавил, нерешительно поднося ко рту очередную ложку:

– Я понимаю, что вы хотите сказать, но, признаюсь, сегодня я голоден как волк и...

– Так ешьте же. Я вас просто поддразнила, – нежно сказала она. – Вспомнила, сколько раз вы ворчали на меня в Ла-Рошели за то, что я слишком забочусь о вашем столе и склоняю ваших детей к греху чревоугодия.

– Но это была приятная война, – признался он с улыбкой. – Увы, как далеки мы сегодня от этого...

Пастор Бокер собирал свою паству. Боцман Эриксон только что сказал им, что все пассажиры должны подняться на верхнюю палубу на короткую прогулку. Погода хорошая, у матросов в такое время дел немного, и пассажиры на палубе не помешают им.

Анжелика осталась одна с мэтром Берном. Она хотела воспользоваться случаем, чтобы выразить ему свою признательность.

– Я еще не имела возможности поблагодарить вас, мэтр Берн, но я снова ваша должница. Вы получили раны, спасая мне жизнь.

Он поднял взгляд и долго смотрел на нее. Она опустила веки. Его взгляд, обычно бесстрашный и холодный, был в ту минуту столь же красноречив, как и вчера вечером, когда он, очнувшись, видел только ее.

– Как же я мог не спасти вас, – сказал он наконец. – Вы дороги мне, как моя собственная жизнь.

Она сделала едва заметный протестующий жест.

– Госпожа Анжелика, вы хотите стать моей женой?

Анжелика растерялась. Решающий момент настал. Нет, она не впала в панику. И даже, надо признаться, почувствовала нежность к нему. Он любит ее, хочет видеть ее своей подругой перед Богом, и это несмотря на то, что он знает... нет, не знает о ее прошлом... Для мужчины с такими твердыми моральными устоями это было свидетельством его глубокой любви.

Но она чувствовала, что не в силах дать ему четкий ответ.

Анжелика в смятении сжала скрещенные на груди руки.

Габриэль Берн не отрывал взгляда от ее красивого лица с четким профилем, вид которого раздирал ему душу, вызывал почти физическую боль. С тех пор как он уступил искушению и решил жениться на ней, каждый взгляд, брошенный на нее, открывал ему все новые ее совершенства. Ему нравилась даже бледность, которая от усталости легла на ее лицо, – следствие того драматического дня, когда она, словно за руку, повела их всех за собой, вырвала из лап безжалостной судьбы. Он снова видел ее горящий взгляд, слышал, как она повелительным тоном кричала им, чтобы они поторопились.

С развевающимися волосами она бежала через ланды с детьми на руках, спасая их от опасности, движимая той неожиданной силой, какая появляется у женщины в минуту, когда на карту поставлена жизнь. Он никогда не забудет этой картины.

Сейчас около него, преклонив колени, стояла та же женщина, но она казалась ему слабой. Она в растерянности кусала себе губы, и он догадывался, как сильно колотится ее сердце. Грудь ее судорожно вздымалась.

Наконец она ответила:

– Я очень польщена предложением, которое вы сделали мне, мэтр Берн... но я недостойна вас.

Он нахмурился. Стиснул зубы, чтобы не вспылить. Ему потребовалось время, чтобы взять себя в руки, и когда она, удивленная его молчанием, осмелилась взглянуть на него, то увидела, как побледнел он от ярости.

– Меня приводит в бешенство ваше лицемерие, – сказал он без обиняков. – Это я недостойн вас. Не думайте, что меня так легко одурачить. Не такой уж я простака. Конечно, я знаю... я убежден, да, убежден, что вы принадлежите к иному миру, чем я. Да, сударыня. Я знаю, в ваших глазах я всего лишь простой торговец, сударыня.

Захваченная врасплох, испугавшись, не разгадал ли он ее тайные мысли, она смотрела на него с таким ужасом, что он взял ее руку.

– Госпожа Анжелика, я ваш друг. Я не знаю, какая драма разлучила вас с вашей семьей и привела к нищете, в которой я нашел вас... Но знаю, что вы были гонимы и отвергнуты, как волк, изгнанный из стаи, потому что он не хотел быть в унисон со всеми. Вы нашли прибежище в моем доме и были счастливы с нами.

– Конечно, я была счастлива, – ответила она совсем тихо.

Он все еще держал ее руку, и она, приподняв ее, прижалась щекой к его ладони так смиренно и нежно, что он вздрогнул.

– В Ла-Рошели я не осмеливался говорить с вами об этом, – сказал он глухо, – я чувствовал, нас разделяет какая-то пропасть. Но теперь, мне кажется, теперь мы все стали настолько... равны после всех событий. Мы плывем к Новому Свету. И вы нуждаетесь в защите, разве не так?

Она несколько раз кивнула. Было бы так просто ответить: «Да, я согласна» – и довериться той скромной судьбе, вкус которой она уже знала.

– Я люблю ваших детей, – сказала она, – мне нравилось служить у вас, мэтр Берн, но...

– Но?..

– Но роль супруги налагает некоторые обязанности!

Он внимательно посмотрел на нее, все еще не отпуская ее руки, и она чувствовала, как дрожат его пальцы.

– Разве вы из тех женщин, кто их страшится? – спросил он мягко. В его голосе она уловила удивление. – Но я хотя бы не слишком неприятен вам?

– Дело не в том... – искренне запротестовала она.

И вдруг сбивчиво начала рассказывать ему свою одиссею: об объёме пламенем замке, о детях на пиках, о королевских драгунах, надругавшихся над ней в ту самую минуту, когда убивали ее сына. Она рассказывала и чувствовала, как с ее души словно спадает тяжесть. Эти картины уже утратили свою остроту, и она заметила, что может вспоминать о них более или менее спокойно. Единственная рана, которой она не могла коснуться без боли, – это мертвый Шарль Анри у нее на руках.

Слезы катились по ее щекам.

Мэтр Берн слушал ее очень внимательно, не выказывая ни ужаса, ни жалости.

Потом он надолго погрузился в молчание.

Его ум безжалостно отбрасывал страшные картины надругательства над ее телом, потому что он решил никогда не думать о прошлом той, кого называли госпожой Анжеликой, поскольку никто не знал ее фамилии. Он хотел обращаться только к этой женщине, что была сейчас перед ним, – женщине, которую он любил, а не к той незнакомке, отблески бурной жизни которой иногда проскальзывали в ее переменчивых глазах цвета морской волны. Если бы он попытался разгадать ее, узнать о ней все, то сошел бы с ума, мысли о ее прошлом неотступно преследовали бы его.

Он сказал решительно:

– Я думаю, вы несколько преувеличиваете, считая, что эта давняя драма мешает вам снова жить жизнью здоровой женщины в объятиях супруга, с которым вы будете соединены «для доли лучшей и худшей»⁴. Если бы все случилось, когда вы были невинной девушкой, конечно, это могло бы жестоко отразиться на вас. Но вы уже были женщиной, и, если я правильно понял вчерашний намек этого вероломного Рескатора, хозяина корабля, женщиной, которая не всегда была робка с мужчинами. Время прошло. Уже давным-давно и ваше сердце, и ваше тело совсем иные, чем в пору тех несчастий. Женщина, как луна, как природа, умеет обновляться. Теперь вы другая. Зачем вам, красота которой, кажется, создана только вчера, отягощать свое сердце воспоминаниями, терзать себя упреками.

Анжелика слушала его с удивлением: этот простолюдин, не лишенный, однако, утонченности чувств, утешает ее? И в самом деле, почему же ее собственный разум не может воспользоваться той жизненной силой, которая, она чувствовала это, возрождается в ее теле? Почему бы ей не отмыться от грязных воспоминаний? Начать все сначала – все, даже вечно таинственный опыт любви?

⁴ Слова, произносимые священником во время брачной церемонии.

– Наверное, вы правы, – сказала она, – я должна была бы забыть все это, но, возможно, я не могу отрешиться от прошлого еще и потому, что в нем – гибель моего сына. Ее я не могу вычеркнуть из своей памяти!

– Никто от вас этого и не требует. И все-таки вы должны снова научиться жить. А чтобы развеять ваши сомнения, я даже пойду дальше. Я утверждаю, что вы жаждете мужской любви, жаждете вновь изведать ее. Не обвиняя вас в кокетстве, госпожа Анжелика, скажу, что в вас таится какая-то сила, которая порождает любовь... от вас исходит зов любви.

– Уж не хотите ли вы сказать, что я когда-нибудь пыталась обольстить вас? – возмутилась Анжелика.

– Вы заставили меня пережить тяжелые минуты, – глухо сказал он.

Под его упорным взглядом она снова опустила глаза. И хотя она защищалась, ей, пожалуй, было даже приятно обнаружить слабость непреклонного протестанта.

– В Ла-Рошели вы еще как бы принадлежали мне, жили под моей крышей, – снова заговорил он. – А здесь мне кажется, что взгляды всех мужчин обращены к вам, что все они страстно желают вас.

– Вы приписываете мне слишком большую власть над мужскими сердцами...

– Власть, силу которой у меня была возможность оценить. Скажите, кем был для вас Рескатор? Вашим любовником, не правда ли? Это просто бросается в глаза...

Он неожиданно так резко стиснул ее руку, что Анжелика сразу оценила его незаурядную силу, хотя он не был привычен к физическому труду. Она упрямо проговорила:

– Он никогда не был моим любовником.

– Вы лжете. Между ним и вами существует какая-то связь, которую даже менее посвященные не могут не заметить, когда вы вместе.

– Клянусь вам, он никогда не был моим любовником!

– В таком случае кто же он вам?

– Все гораздо хуже. Он хозяин, который купил меня за очень большую цену и из рук которого я ускользнула прежде, чем он сумел воспользоваться мною. И сейчас мое положение при нем... двусмысленно, я узнала его и, не скрою, немного побаиваюсь.

– Однако он вас обольщает, это же яснее ясного!

Анжелика собралась было возразить, но передумала, и улыбка озарила ее лицо.

– Вот видите, мэтр Берн, так мы, пожалуй, обнаружим новое препятствие для нашей женитьбы.

– Какое же?

– Наши характеры. У нас обоих было время хорошо узнать друг друга. Вы человек властный, мэтр Берн. Я старалась повиноваться вам, ведь я была вашей служанкой, но не знаю, хватило бы у меня на это терпения, будь я вашей супругой. Я привыкла сама распоряжаться своей жизнью.

– Ну что ж, откровенность за откровенность. Вы тоже женщина с характером, госпожа Анжелика, и вы имеете надо мною власть. Я долго боролся, прежде чем осознал это, и я испугался, догадавшись, до какой степени вы можете поработить меня. К тому же вы смотрите на жизнь свободно, а это непривычно нам, гугенотам. Мы боимся греха. Мы чувствуем под своими ногами его капканы, его расщелины. Женщина вызывает у нас страх... Возможно, потому, что мы считаем ее виновницей грехопадения человека. Я поделился этой мыслью с пастором Бокером.

– И что же он вам ответил?

– Он сказал мне: «Будьте терпимы по отношению к самому себе. Возблагодарите свои желания, ведь они вполне естественны, освятите их таинством брака, и пусть они возвышают вас, а не губят». Я решил последовать его совету. В вашей власти позволить мне исполнить его. Мы оба должны отбросить гордыню, которая мешает нам слышать друг друга.

Он приподнялся, обнял ее за талию, привлек к себе.

– Мэтр Берн, вы же ранены!

– Ваша красота способна воскресить мертвого, вы это прекрасно знаете.

Вчера вечером другие руки обнимали ее с той же ревнивой страстью. Может быть, мэтр Берн прав, сказав, что она жаждет мужской ласки, чтобы вновь ощутить себя женщиной? Однако, когда он захотел прильнуть к ее губам, она неосознанным движением оттолкнула его.

– Не надо, – прошептала она, – о, прошу вас, дайте мне еще немного подумать.

На скулах Берна заиграли желваки. С трудом, но он все же сумел сдержать себя, только побледнел. Отстранившись от Анжелики, он откинулся на соломенную подушку. Он больше не смотрел на Анжелику, а с каким-то странным выражением лица внимательно разглядывал маленький серебряный котелок, недавно принесенный ему мавром Рескатора.

Неожиданно он схватил его и с силой швырнул в переборку, которая темнела у него перед глазами.

Глава IV

Вот уже миновала почти неделя, как «Голдсборо» покинул Ла-Рошель, взяв курс на запад. Анжелика только сейчас подсчитала это на пальцах. Почти неделя пробежала. А она еще так и не дала ответа мэтру Берну.

И ничего не случилось.

Впрочем, что могло случиться? У нее было ощущение, будто она с нетерпением ожидает чего-то, что изменит ее жизнь.

Неужели недостаточно того, что они должны заново начинать жизнь, когда вокруг все так шатко! Однако они шли к этому с готовностью... «Стенания госпожи Маниго, в конце концов, идут в счет не больше, чем молитвы папистов», – непочтительно заметил мэтр Мерсело. Детей же интересовало только море, а неудобства жизни их не трогали. Пастор регулярно проводил чтения Библии, и теперь в определенные часы эмигранты собирались все вместе.

Если позволяла погода, вечернее чтение проходило на верхней палубе, на виду у странной команды корабля.

– Мы должны продемонстрировать этим не признающим ни веры, ни закона людям тот идеал, который живет в нас и который мы не должны утратить, – говорил пастор Бокер.

Умеющий постичь человеческую душу, старик чувствовал, хотя и не говорил об этом вслух, что его немногочисленной пастве угрожает какая-то опасность изнутри и она, возможно, более серьезна, чем опасность попасть в тюрьму или умереть от рук папистов, которой этим буржуа и ремесленникам, в основном богатым, прочно обосновавшимся в стенах своего города, удалось избежать, покинув Ла-Рошель.

Жестокая судьба, оторвав ларошельцев от дома, обнажила их сердца. Даже взгляд у людей стал иным.

Когда вечерняя молитва закончилась, Анжелика, с Онориной на руках, присела в сторонке. Слова из Священного Писания пришли ей на ум: *«Всему свое время, и время всякой вещи под небом... Время убивать, и время врачевать... Время любить, и время ненавидеть...»*

Когда же придет оно – время любить?

Дни проходили один за другим, и ничего не случалось. А Анжелика чего-то ждала. С того первого вечера на корабле, когда она так долго размышляла под властью тех противоречивых чувств, которые вызвал у нее Рескатор, она больше не видела его. Поскольку она пришла к мысли, что должна с осторожностью относиться и к его словам и поступкам, и к своим собственным, его исчезновение, казалось бы, должно было обрадовать ее. А она, напротив, чувствовала, что это ее тревожит. Да и никто больше не видел его. Когда пассажиры выбирались на палубу, чтобы немного размяться, они, случалось, замечали на корме силуэт хозяина – он стоял там, кутаясь в трепещущий на ветру темный плащ.

Но он больше не вмешивался в их дела и, как казалось, почти не вмешивался в управление судном.

Этим занимался, с мостика выкрикивая в медный рупор приказы, помощник капитана, или, как его все называли, капитан Язон. Прекрасный моряк, но молчаливый, необщительный, он не проявлял к гугенотам ни малейшего интереса и наверняка не одобрял их появления на корабле. Лицо его всегда было сурово и холодно, что отбивало всякую охоту обращаться к нему. Но Анжелике, когда нужно было что-то выяснить, изредка приходилось по просьбе своих спутников вступать с ним в переговоры. Можно ли постирать? Какой водой? Запасы пресной воды предназначены для питья? Значит, придется довольствоваться морской? Первая непредвиденная драма для хозяек... потому что белье оставалось серым,

да и пятна смолы не отстирывались. В какое время они могут выходить на палубу, не мешая матросам работать?.. и тому подобное.

А вот к Николя Перро, человеку в меховой шапке, она, напротив, обращалась часто. Похоже было, что у него на корабле нет определенных обязанностей. Чаще всего его видели бродящим по палубе с трубкой в зубах. А потом он подолгу пропадал у Рескатора. Если Анжелике нужно было обратиться к кому-нибудь с просьбой, она передавала ее через Николя Перро, он же брал на себя труд сообщить ответ, смягчая при передаче то, что могло огорчить или задеть ее, потому что сам был человеком мягким и добродушным.

Так случилось и на пятый день пути, когда повара вместе с солониной принесли какое-то странное месиво с тошнотворным запахом, заявив, что все обязательно должны его съесть. Это вызвало возмущение пассажиров. Маниго счел блюдо подозрительным и отказался наотрез. До сих пор пища, сказал он, которую им приносили, была вполне сносной и в достаточном количестве. Но если сейчас их будут заставлять есть тухлятину, дети заболеют и их путешествие, едва начавшись, кончится всеобщим трауром. Лучше уж ограничиться солониной и жалким куском галеты, которые им давали до сих пор, – обычной пищей моряков.

Во время спора пришел старший матрос и закричал, что они должны есть все, что им дают, иначе им впихнут силой, держа за руки и за ноги.

Малорослый, похожий на гнома, непонятной национальности, боцман, должно быть, прошел жестокую моряцкую школу где-нибудь на севере Европы: в Шотландии, в Голландии или на Балтике. Он говорил на смеси английского, французского и голландского, и, хотя торговцы из Ла-Рошели владели этими языками, объясниться с ним было почти невозможно.

Анжелика снова поведала о своих затруднениях Николя Перро, пожалуй единственному существу на «Голдсборо», к которому можно было подступиться. Тот успокоил ее, но сказал, что приказы боцмана надо выполнить. Ведь это приказы самого Рескатора.

– Нас на корабле слишком много для того запаса продуктов, которые мы взяли на борт. Теперь надо строго рассчитывать рацион. На борту еще остались две свиньи, коза и корова. Но их берегут на случай болезней, всякое ведь может случиться. И капитан распорядился открыть бочки с квашеной капустой, он всегда возит ее с собой. Он уверяет, что капуста – превосходное средство от цинги, и это, черт побери, верно, ведь я уже дважды пересекал с ним океан и у нас в команде не было ни одного тяжелого случая болезни. Надо убедить ваших друзей, что все они должны есть ее каждый день понемногу. Таков приказ по кораблю. Те, кто бунтует, будут посажены за решетку в трюм. И там наверняка им впихнут их порции капусты силой, как гусям.

На следующий день, когда старший матрос пришел посмотреть своими голубыми глазами с ледяным блеском, которые странно бегали на его лице цвета вареного окорока, как они едят капусту, ему был оказан наилучший прием.

– Я все больше начинаю думать, что брошен судьбою в реку подземного царства, – заметил Мерсело, который относился ко всему с юмором образованного человека. – Взгляните-ка на это существо, извергнутое из преисподней... Конечно, в портах мы видели всяких типов, но чтобы такое подозрительное сборище оказалось на одном корабле... В любопытнейшее общество вы ввели нас, госпожа Анжелика...

Анжелика, сидя на пушечном лафете, пыталась заставить проглотить немного кислой капусты Онорину и других малышей, которые собрались около нее.

– Вы – птенчики в своем гнездышке. Ну-ка, откройте клювики! – уговаривала их она.

Когда ее спутники начинали возмущаться «Голдсборо», его хозяином и командой, она чувствовала себя и немного виноватой, и ответственной за все. Но видит бог, выбора у нее не было.

Она ответила:

– О! Вы думаете, Ноев ковчег представлял собою менее любопытное зрелище, чем наш корабль? Однако так было угодно Господу...

– И правда, сюжет для размышления, – сокрушенно заметил пастор Бокер, обхватив рукой подбородок. – Если бы нас всех, вместе с ними, унес океан, сумели ли бы мы возродить человечество?

– С живностью подобного рода, мне кажется, это было бы весьма сомнительно, – проворчал Маниго. – Вы только приглядитесь к ним повнимательней, и сразу заметите, что у каждого из них на ногах рубцы от кандалов.

Анжелика не стала возражать, потому что в глубине души была согласна с ним. Не приходилось сомневаться, что бывший средиземноморский пират набрал своих самых верных людей из бежавших с галер каторжников. Это просто читалось по глазам матросов различных рас, смех и непонятные песни которых доносились до них по вечерам из кубрика, по их, пожалуй лишь ей понятному, возбуждению. Возбуждению людей, которые еще недавно, закованные в цепи, владели жалкое существование, а теперь вдруг мир стал для них недостаточно велик, а море – недостаточно просторно. Возбуждению людей, которые окунулись в этот так долго бывший для них недостижимым мир с подспудной мыслью, что они не имеют на это права, со страхом снова потерять свое завоеванное сокровище: свободу.

– Скажите, боцман, зачем вы пичкаете нас этой немецкой капустой? – спросил Ле Галл. – Мы должны сейчас находиться где-то на широте Азорских островов, а там можно будет запастись апельсинами и другой свежей пищей!

Боцман искоса взглянул на него и молча пожал плечами.

– Он не понял, – сказал Маниго.

– Он прекрасно понял, но не хочет отвечать, – уточнил Ле Галл, провожая взглядом приземистую фигуру боцмана, который выходил вслед за матросами, уносящими котлы.

Через несколько дней Анжелика, прогуливаясь по верхней палубе, заметила, что Ле Галл поглощен какими-то таинственными расчетами с помощью часов и буссоли.

При ее появлении он вздрогнул и спрятал их под своей рыбацкой накидкой из промасленной ткани.

– Вы не доверяете мне? – спросила она. – Но ведь я абсолютно не способна понять, что вы вычисляете здесь в одиночестве с вашими часами и буссолью.

– Нет, госпожа Анжелика, вам я доверяю. Но я подумал, что это подходит кто-нибудь из команды. У вас такая же бесшумная походка, как у них. И не подозреваешь, что вы подходите, а вы уже тут как тут. Даже немножко страшно. Ну а раз это вы, то все в порядке.

Он понизил голос:

– Там, на стенге, матрос, он наблюдает за мной с высоты, но это ничего. С мачты он не разберет, что я делаю. А все остальные ужинают, кроме рулевого. Сегодня вечером море спокойно, и, будем надеяться, это надолго, но, насколько видит глаз, наш корабль в море совсем один. И я воспользовался этим, чтобы попытаться определить наше местоположение.

– Разве мы так далеко от Азорских островов?

Он бросил на нее насмешливый взгляд:

– Вот именно! Не знаю, обратили ли вы внимание на то, что боцман уклонился от ответа, когда я спросил его об Азорских островах? Ведь если мы идем к Американским островам, это как раз по пути. Меня не удивило бы даже, если бы нос корабля указывал прямо на юг. Но идти, как идем мы, держа курс строго на запад, – это весьма странный путь на Антилы или другие острова тропических морей!

Анжелика спросила его, как ему удалось определить это без таблиц долготы и поясного времени, без секстана, да и без точных часов.

– Я проверяю свои, когда в полдень на борту бьют склянки смены вахты. Значит, это точно астрономический полдень, потому что, проходя по корме, я мимоходом бросил взгляд на приборную доску. У капитана этого корабля отличные приборы! Все как надо! Если уж звонят, то звонят минута в минуту, я убежден... И в курсе его люди тоже не ошибутся! Я сверяю время со своими часами, на которых еще ла-рошельское время. Так вот, часы, бус-соль, положение солнца в зените и при заходе – этого мне хватило, чтобы с уверенностью определить, что мы идем «северным путем» – путем ловцов трески и китобоев. Я никогда не ходил по нему, но знаю о нем. Вы только взгляните на море, оно уже совсем иное.

Анжелику его доводы не убедили. Эмпирические рассуждения этого бравого моряка не показались ей доказательными. Но вот, пожалуй, море и впрямь было не похоже на Средиземное, хотя, с другой стороны, ведь это океан, а она не раз слышала от матросов об ураганах, которые обрушивались на них вдали от Гасконского залива, и слышала, что в некоторые времена года в океане бывает очень холодно, даже на широте Азорских островов...

– Взгляните-ка вокруг, госпожа Анжелика, всё словно в молоке, – настаивал на своем бретонец. – А вы заметили утром, что небо совсем перламутровое? Это северное небо. Тут уж никаких сомнений, поверьте мне! Да еще туман! Он тяжелый, словно снег. Весьма опасный путь в дни равноденствия, ведь это время ураганов. Рыбаки никогда не ходят сюда на ловлю трески в такую пору. А вот мы – здесь! Храни нас Господь!..

Голос Ле Галла прозвучал совсем мрачно. Напрасно Анжелика таращила глаза: она не видела никакого тумана; только на северо-западе небо почти сливалось с морем, его отделяла от моря лишь узенькая розоватая полоска на горизонте.

– Ночью будет буря и туман... или завтра, – угрюмо добавил Ле Галл.

Право, он все хочет видеть в мрачных тонах! Он старый морской волк, но и на него произвело впечатление это пустынное водное пространство, где за все время пути они не встретили ни одного корабля. Насколько видит глаз – ни единого паруса! Пассажирам этот однообразный пейзаж казался унылым. А Анжелика радовалась. Наученная горьким опытом, она знала, что встреч на море лучше избегать.

Вид океана с его высокими и мощными, словно идущими из самой глубины, волнами не надоедал ей. К тому же она не страдала от морской болезни, как в начале плавания большинство ее спутников.

Теперь из-за холода они все теснились на нижней палубе. Уже два дня матросы приносили им расписанные рисунками варваров глиняные горшочки с отверстиями сверху и сбоку, наполненные горячими углями. Эти своеобразные жаровни или, скорее, примитивные печки давали им достаточно тепла и уменьшали сырость. К тому же по вечерам к горшочкам добавлялись два фонаря с большими сальными свечами. Они не были бы ларошельцами, если бы не поинтересовались странной системой обогрева на борту корабля, и каждый из мужчин высказал по этому поводу свое мнение.

– В конце концов, это куда менее опасно, чем открытая жаровня. Но откуда у них такие забавные глиняные горшочки? – поинтересовался кто-то.

Анжелика вдруг вспомнила слова Николя Перро:

«Когда мы войдем в зону льдов, вам принесут горшки с углями, чтобы было тепло».

– Но постойте, – вскричала она, – разве льды могут быть на широте Азорских островов?

Чей-то голос за ее спиной спросил насмешливо:

– А где вы видите здесь льды, госпожа Анжелика?

Маниго в сопровождении Габриэля Берна и владелец бумажной фабрики Мерсело подошли к ней. Все три гугенота плотно закутались в плащи, надвинули на глаза шляпы. В таком виде их трудно было отличить друг от друга.

– Прохладно, я с вами согласен, но ведь и зима не за горами, к тому же бури равноденствия приносят холод и в эти края.

Ле Галл пробурчал:

– И тем не менее «эти края», как вы изволили выразиться, господин Маниго, имеют странный вид.

– Ты боишься бури?

– Я боюсь всего! – И он добавил со страхом: – Посмотрите... Посмотрите же... Разве все вокруг не напоминает вам конец света?

И действительно, вся внешне спокойная поверхность океана была покрыта мелкими пузырьками, словно закипающая вода в котле. Дневное светило, неожиданно просветлив совсем белое небо, разлило по нему отблеск света потемневшей меди. Красное солнце стало вдруг огромным. Оно нависло над океаном. Потом почти тотчас же исчезло, и все вокруг стало зеленым, а еще минуту спустя – черным.

– Море Тьмы, – вздохнул Ле Галл. – Море древних викингов...

– Просто сейчас мы видели великолепный заход солнца, – сказал Мерсело. – Что в этом особенного?

Но Анжелика догадалась, что он тоже понял необычность явления. Темень, которая поначалу была настолько плотной, что они уже не видели друг друга, начала рассеиваться и уступила место сумеркам. Все вдруг снова стало различимым, даже горизонт, и все-таки они были погружены в безжизненный мир, где не могли возродиться ни цвета, ни тепло.

– Вот это и называется полярной ночью, – сказал Ле Галл.

– Полярной! Ты шутишь! – воскликнул Маниго.

Он расхохотался, и его громкий смех прозвучал в тишине как святотатство. Он почувствовал это и резко оборвал его. Чтобы обрести самообладание, он отвернулся и посмотрел на вдруг поникшие паруса:

– Ну и каналы же матросы на этом корабле-призраке!

И, словно они только и ждали этого возгласа, из всех щелей вдруг повылезали матросы.

Марсовые быстро вскарабкались по вантам и распластались на реях. Как всегда, они делали все бесшумно, и их движущиеся темные фигуры создавали атмосферу какой-то таинственности.

«Сегодня вечером, сегодня ночью что-то произойдет», – подумала Анжелика.

И она приложила руку к сердцу, словно ей не хватало воздуха. Мэтр Берн стоял рядом с нею. Однако у нее не было уверенности, что он сможет прийти ей на помощь.

С мостика капитан Язон по-английски выкрикивал команды.

Маниго облегченно фыркнул:

– Кстати, вы сейчас толковали об Азорских островах. Ты, Ле Галл, плавал больше, чем я, так вот можешь ты сказать, когда мы придем туда? Мне не терпится поскорее узнать, получили ли мои португальские представители посланные мною поручения относительно фондовых бумаг Берега Пряностей?

Он похлопал по карманам своего сюртука:

– Когда я буду уверен, что мои денежки при мне, я смогу наконец дать отпор этому заносчивому пирату. А сейчас он обращается с нами как с несчастными горемыками. Мы должны чуть ли не целовать ему руки! Но ничего, скоро мы придем в Карибское море. Не думаю, что там он будет самым сильным.

– В Карибском море хозяева – флибустьеры, – тихо сказал Берн.

– Нет, мой дорогой. Работоторговцы! И лично я уже занимаю среди них прочное положение. Как только я по-настоящему войду в дело, я рассчитываю получить там монопольное право на рабов. Чего стоит судно, которое везет из Африки в Европу только табак и сахар и не наполнило свои трюмы рабами? Нет, корабль, на котором мы плывем, не невольничье

судно. Он бы выглядел совсем иначе. И потом, посмотрите, что я нашел, когда, сделав вид, что заплутал, спустился в трюмы.

Он раскрыл ладонь и показал две золотые монеты с изображением солнца.

– Это следы сокровищ инков! Такие же монеты иногда привозят испанцы. И главное, я заметил, что другие трюмы забиты любопытными приборами для измерения глубины, специальными абордажными крючьями, лесенками и еще бог знает чем. Напротив, место, предназначенное для фрагтового груза, слишком невелико для такого приличного по размерам торгового судна.

– И к какому же выводу вы пришли?

– Ни к какому, и пока могу сказать лишь одно: этот пират живет разбоем. Как он это делает? Это уж его забота. Но по мне, для нас лучше он, чем какой-нибудь другой пират. О#хо#хо! Пираты, конечно, люди смелые, но они почти ничего не смыслят в коммерции. И они не могут всерьез господствовать на морях. Мы, торговцы, понемногу идем им на смену. Вот поэтому мне было бы весьма приятно побеседовать с ним. Во всяком случае, он мог бы пригласить меня на ужин.

– Говорят, его апартаменты на полуюте роскошны, там много дорогих вещей, – добавил Мерсело.

Они ждали, что скажет Анжелика, но она, как каждый раз, когда речь заходила о Рескаторе, чувствовала какую-то тревогу и потому не проронила ни слова. Мэтр Берн смотрел на нее, ища ее взгляда.

Почему темнота, вместо того чтобы сгущаться, напротив, рассеивается? Словно приближается новая заря.

Цвет моря снова начал меняться. Иссиня-черное, оно вдали казалось разрезанным надвое какой-то бело-зеленой, как полынная водка, полосой. Когда «Голдсборо» оказался в этой полосе, его борта задрожали, словно бока лошади, почуявшей опасность.

С капитанского мостика одна за другой летели команды.

Берн вдруг понял, что прокричал сверху, с марса, по-английски матрос-наблюдатель.

– Айсберг по правому борту, – повторил он.

Они все как по команде повернулись.

Огромная глыба льда, словно призрак, надвигалась на корабль. Матросы с баграми и связками канатов, быстро распределившись вдоль леерного ограждения со стороны айсберга, приготовились отразить смертельное столкновение с этой горой, от которой исходило ледяное дыхание.

К счастью, ведомое опытной рукой хозяина, судно уверенно миновало опасное препятствие. Сзади айсберга небо было еще светлое, но теперь серый туман казался розовым.

Онемевшие от страха пассажиры, боясь верить своим глазам, отчетливо различили на айсберге три темные точки, которые вдруг тяжело отделились от него, стали большими и, по мере того как они приближались к судну, превращались в какие-то странные белые создания в перьях.

– Ангелы! – выдохнул Ле Галл. – Это смерть.

Габриэль Берн хранил невозмутимое спокойствие. Обняв Анжелику за плечи, чего она даже не заметила, он сухо поправил:

– Альбатросы, Ле Галл... просто полярные альбатросы.

Три огромные птицы продолжали приближаться к судну, то описывая огромные круги, то опускаясь на темную воду.

– Это знак беды, – сказал Ле Галл. – Неминуема буря, и мы все погибнем.

Внезапно Маниго разразился проклятиями:

– Я что, схожу с ума? Брежу? Сейчас день? Или ночь? Кто сказал, что мы на широте Азорских островов? Проклятье! Братья мои, теперь мы знаем, что идем вовсе не на Острова...

– Именно это я и говорю, господин Маниго.

– А ты не мог сказать этого раньше, болван?

Ле Галл вскипел:

– А что бы это изменило? Ведь хозяин на корабле не вы, господин Маниго.

– Это мы еще посмотрим!

Они все замолчали, потому что вновь неожиданно наступила темнота и они уже не видели друг друга. Странная заря растаяла.

И тотчас же на палубе засветились фонари. Один из них приблизился к Анжелике и четверем мужчинам. В круге света вырисовывалось худощавое лицо старого арабского врача Абд эль-Мешрата. От холода оно совсем пожелтело, хотя было укутано по самые очки.

Он несколько раз поклонился Анжелике:

– Хозяин корабля просит вас пожаловать к нему. Он желает, чтобы ночь вы провели у него.

Произнесенные самым любезным тоном по-французски, эти слова были вполне ясны. Ошеломленная, Анжелика вскипела. Она уже хотела отклонить предложение, которое сочла оскорбительным, но ее опередил Габриэль.

– Вонючий клоп! – вскричал он дрожащим от ярости голосом. – Как посмели вы передать даме такое оскорбительное предложение?! Уж не думаете ли вы, что находитесь на алжирском рынке?

Он поднял кулак. От резкого движения его снова пронзила боль, и он, с трудом сдерживаясь, чтобы не застонать, вынужден был опустить руку. Анжелика стала между ними:

– Вы сошли с ума! Так не говорят с эфенди.

– Эфенди или нет, но он вас оскорбляет. Подумайте только, госпожа Анжелика, он принимает вас за женщину... за женщину, которая...

– Этот бандит считает, что имеет права на всех нас, на наших жен и дочерей, – вмешался Мерсело. – Это неслыханно!

– Успокойтесь! – взмолилась Анжелика. – В конце концов не из-за чего ломать копья, дело касается только меня. Его превосходительство великий врач Абд эль-Мешрат всего лишь передал мне... приглашение, которое под иными небесами, ну, к примеру, на Средиземном море, можно было бы почитать за честь.

– Опасную честь, – сказал Маниго, затравленно оглядываясь. – И правда, мы попали в руки берберов, ни больше ни меньше. Половина команды состоит из этого сброда, и я побился бы об заклад, что в жилах самого хозяина тоже есть басурманская кровь, хотя он и выглядит испанцем, он или андалузский мавр, или незаконный сын мавра, вот кто он такой...

– Нет-нет, – горячо запротестовала Анжелика, – я абсолютно убеждена, что он исповедует не ислам. Мы на христианском корабле.

– Христианском!

– Ха-ха! Вот уж сказали! Христианский корабль! Госпожа Анжелика, вы теряете разум. Впрочем, есть из-за чего.

Арабский врач с бесстрастным и презрительным видом ждал, кутаясь в свой бурнус. Его исполненная достоинства осанка и удивительно умный взгляд напоминали Анжелике Османа Ферраджи, и она испытывала сострадание, видя, как он дрожит в этой холодной ночи.

– Эфенди, простите мне, что я позволила себе заколебаться, и примите мою искреннюю благодарность за то, что вы взяли на себя труд прийти сюда. Я отвергаю требование, которое

вы передали мне, – оно неприемлемо для женщины моей религии, но готова последовать за вами, чтобы самой дать ответ вашему господину.

– Хозяин этого корабля не господин мне, – мягко ответил старик, – он мой друг. Я спас его от смерти, он спас меня от смерти, и мы заключили с ним союз двух разумов.

– Я надеюсь, вы не собираетесь принять предложение этого пирата? – вмешался Габриэль Берн.

Анжелика нежно положила руку на плечо торговца:

– Предоставьте мне право самой объясниться с ним. Уж коли он выбрал такой час, пусть будет так. По правде сказать, я не знаю ни его желаний, ни его намерений.

– Зато я слишком хорошо знаю это, – отозвался Берн.

– Не уверена. Он настолько необычный человек...

– Вы говорите о нем с такой снисходительной фамильярностью, будто знакомы с ним уже невесть сколько времени...

– Я и правда знаю его достаточно давно для того, чтобы не бояться с его стороны... того, чего боитесь вы. – И с едва заметной улыбкой, немного провоцируя его, она добавила: – Поверьте мне, мэтр Берн, я умею защитить себя. Я сумела противостоять большим опасностям, чем он.

– Но ведь я опасаясь не насилия, – сказал Берн вполголоса, – а слабости вашего сердца.

Анжелика не ответила. Они говорили, почти не видя друг друга, потому что матрос с фонарем уже удалялся, за ним следовал арабский врач, а чуть поодаль – Маниго и Мерсело. Все они уже были у трапа, ведущего на нижнюю палубу.

Берн наконец решился.

– Если вы отправитесь к нему, я пойду с вами, – громко сказал он.

– Это было бы величайшей ошибкой, – сказала Анжелика нервно. – Вы только напрасно вызовете его гнев.

– Госпожа Анжелика права, – вмешался издали Маниго. – Она уже не раз доказала, что умеет постоять за себя. Я вполне согласен с нею: она должна объясняться с этим типом. Он взял нас на свое судно, прекрасно. Но сам вдруг куда-то исчез, а мы оказались в полярных водах. Что все это означает?

– Слова, которыми арабский врач передал просьбу монсеньора Рескатора, дают основания предполагать, что он желает разговаривать с сударыней Анжеликой не о широте и долготе, – пробурчал Берн.

– Она может принудить его поговорить и об этом, – доверительно сказал Маниго. – Какого черта, Берн! Ты что, боишься этого величественного верзилы, которому нечем обольщать, кроме как кожаной маской? Я не думаю, что это так уж волнующе для дам, разве я заблуждаюсь?

– Я боюсь того, что у него под маской, – еле слышно прошептал Берн.

Он готов был на все, лишь бы помешать Анжелике повиноваться Рескатору. Его глубоко задело ее согласие принять предложение, сформулированное так оскорбительно. Но, вспомнив, как она ответила ему, когда он просил ее руки, что боится не выдержать принуждения, боится потерять свободу поступать по своему усмотрению, счел за благо проявить лояльность и заставил себя смириться.

– Ну ладно, идите! Но если через час вы не вернетесь, тут уж вмешаюсь я.

Когда Анжелика поднималась по ступенькам трапа на полуют, мысли ее были так же беспокойны, как и море. Как неистово и беспорядочно вздыбились вдруг волны, так и всколыхнувшиеся в ней чувства, которые она не способна была даже определить, что это – гнев, тревога, радость или надежда, сменились вдруг страхом, и он свинцовой тяжестью опустился на ее плечи.

Да, сейчас что-то произойдет! Что-то ужасное, сокрушающее, от чего она не оправится.

Она подумала, что ее впустили в апартаменты Рескатора, но, когда дверь за нею закрылась, увидела, что находится в тесной каюте, освещенной свисающим с потолка фонарем в двойной раме, чтобы он не раскачивался.

В каюте никого не было. Оглядев ее повнимательней, Анжелика решила, что эта узкая и низкая каюта, наверное, соединена с апартаментами Рескатора, потому что в глубине ее находилось такое же высокое окно, как на полуюте. За портьерой, закрывавшей стену, Анжелика обнаружила дверь. Это подтвердило ее предположение о том, что каюта соединена с салоном, в котором она однажды уже была. Она повернула дверную ручку, чтобы убедиться в своей догадке, но дверь не поддавалась. Она была заперта на ключ.

Со смешанным чувством раздражения и покорности судьбе Анжелика села на тахту, которая занимала почти всю каюту. После раздумий она пришла к выводу, что эта каюта, скорее всего, служит Рескатору для отдыха. Наверное, здесь он и находился в вечер их отплытия. Когда она, придя в себя на персидской тахте, почувствовала, что за ней исподтишка наблюдают.

Привести ее в тот вечер в свои апартаменты – уже одно это было с его стороны дерзостью.

Но она все поставит на свои места! Она ждала, постепенно начиная терять терпение. Наконец, решив, что это становится невыносимым и он просто издевается над нею, поднялась, чтобы уйти.

И была неприятно удивлена, обнаружив, что дверь, через которую ее впустили сюда, тоже заперта на ключ. Она с криком начала колотить по ней. Но ее голос тонул в свисте ветра и шуме моря. И в этот вечер с наступлением ночи волны сильно разбушевались.

Неужели началась буря, которую предсказывал Ле Галл?

Она подумала о том, что они могут столкнуться с айсбергами, и ей вдруг стало страшно. Держась за переборки, она добралась до окна, которое снаружи слабо освещал задний сигнальный фонарь. Волны то и дело заливали толстое стекло потоками воды, оставляя на нем похожую на снег пену, которая медленно сползала вниз.

И все же в просвете Анжелика увидела за стеклом на гребне волны, совсем близко, белую птицу, которая злобно смотрела на нее.

Она в ужасе отпрянула назад.

«Может быть, это душа какого-нибудь утопленника? Должно быть, в этих краях потонуло немало кораблей... Но почему меня держат здесь взаперти, одну?»

Судно резко накренилось, она отлетела от переборки и после тщетных усилий удержаться на ногах снова невольно оказалась на тахте.

Тахта была покрыта белым мехом, очень густым и, наверное, дорогим. Анжелика машинально погрузила в него заледеневшие руки. Она слышала, что на Севере бывают медведи такие же белые, как снег. Верно, покрывало сделано из меха такого медведя.

«Куда нас везут?»

Ее раздражало, что над головой у нее раскачивается странное устройство, в которое был заключен фонарь, отчего находящийся в центре его сосуд с маслом, где плавал фитиль, непостижимым образом оставался неподвижным.

Сам же фонарь, сделанный из золота, был весьма забавен. Никогда – ни во Франции, ни в странах ислама – Анжелика не видела ничего подобного: резной шар или чаша с переплетающимся орнаментом, через который просачивался желтоватый свет.

К счастью, буря, кажется, не становилась сильнее. В секунды тишины до Анжелики доносились голоса. Ей никак не удавалось определить, откуда они идут. Один голос был глухой, другой громкий и низкий, временами можно было уловить отдельные слова команды:

– Отдать паруса... Поднять фок и бизань... штурвал до отказа!

Это был голос капитана Язона, – наверное, он передавал приказы Рескатора.

Решив, что они в салоне, Анжелика снова забарабанила в дверь. И вдруг поняла, что они находятся над ней, на капитанском мостике.

Непогода потребовала там присутствия двух капитанов. Должно быть, объявили аврал, вся команда поднята. Но зачем тогда Рескатор заставил ее прийти сюда для – галантного или нет – свидания с ним? Ведь не мог же он не знать, когда посылал за нею, что потребуется его присутствие на капитанском мостике.

«Надеюсь, Абигель или Северина позаботится об Онорине... Впрочем, мэтр Габриэль сказал, что придет и устроит скандал, если через час я не вернусь к ним», – успокаивала она себя.

Однако прошло уже куда больше часа. Время идет, и никто не появляется, чтобы освободить ее. Выбившись из сил, она наконец прилегла на тахту, потом свернулась калачиком на белом меху и в его тепле задремала. Сон был тревожный, она то и дело внезапно просыпалась, и волны, бьющие в окно, создавали ощущение, будто она поглощена морем и находится в каком-то подводном замке, где неясные звуки голосов двух мужчин, борющихся с бурей, смешивались в ее сознании с мыслями о печальных фантомах, блуждающих между льдами в краю, напоминающем чистилище.

Когда она проснулась, свет фонаря показался ей еще более тусклым. Наступал день. Она села на свое ложе.

«Что я здесь делаю? Это недопустимо!...»

Никто так и не появился.

У нее болела голова. Волосы растрепались. Она отыскала свой чепчик, который сняла, перед тем как лечь. Ни за что на свете она не хотела бы предстать перед Рескатором в таком виде – небрежно одетой, растерянной. А может, именно этого он и хотел добиться? Его коварство непредсказуемо, его ловушки, а также и его цели, в особенности в отношении ее, трудно разгадать.

Анжелика поспешно встала, чтобы привести себя в порядок, и по женской привычке поискала глазами зеркало.

Оно было прикреплено к переборке. Это бесценное сокровище в массивной золотой оправе сияло каким-то дьявольским светом. Она с облегчением подумала, что, слава богу, не заметила его ночью.

В ее тогдашнем состоянии оно привело бы ее в ужас. Этот круглый, неизмеримо глубокий глаз, уставившись на нее, сразил бы ее наповал. Оправа представляла собой гирлянду солнц, переплетенных с радугами.

Вглядевшись в свое отражение в зеркале, Анжелика увидела существо с зелеными глазами, с бледными губами и светлыми волосами, возраст которого невозможно определить, – ни дать ни взять сирена, которые, впрочем, сохраняют вечную молодость.

Она попыталась разрушить этот образ, заплела распущенные волосы в косы и плотно спрятала их под чепчик. Потом покусала губы, чтобы хоть немного вернуть им краску, и постаралась принять как можно более непринужденный вид. И все же она продолжала недоверчиво рассматривать себя. Это зеркало было какое-то диковинное.

Необыкновенно прозрачное, с красно-коричневым золотистым отливом, оно создавало вокруг лица мягкие тени, таинственный ореол. Даже в своем скромном чепчике прислуги из Ла-Рошели Анжелика выглядела каким-то загадочным идолом.

«Неужели я такая и есть или это волшебное, магическое зеркало?»

Когда дверь открылась, она еще держала зеркало в руке.

Она спрятала его в складках юбки, сокрушаясь в душе, что непринужденным жестом не повесила на место. В конце концов, неужели женщина не имеет права посмотреться в зеркало!

Глава V

Дверь в смежную каюту открылась. Держа рукой край откинутой портьеры, на пороге стоял Рескатор.

Анжелика напряглась всем телом и холодно посмотрела на него:

– Могу я спросить вас, сударь, почему вы заперли меня...

Он прервал ее, сделав ей знак приблизиться:

– Пройдите сюда.

Голос его звучал еще глуше, чем обычно, и он два раза закашлялся. Она нашла, что у него усталый вид. В нем что-то изменилось, сделало его меньше... меньше андалузцем, сказал бы мэтр Маниго. Сейчас, пожалуй, он и вовсе не походил на испанца. Теперь она не сомневалась, что он француз. Впрочем, это не делало его более доступным. На маске поблескивали крошечные капельки воды, но сам он уже успел переодеться в сухое.

Пройдя в салон, Анжелика увидела валяющиеся в беспорядке плащ с широкими рукавами, короткие штаны, сапоги – все, в чем он находился на капитанском мостике во время бури.

Вспомнив о своих недавних размышлениях, она сказала:

– Вы испортили свои прекрасные ковры.

– Пустяки.

Он зевнул, потягиваясь.

– О, вот уж, верно, тоска для мужчины – иметь рядом с собой хозяйку. И как это люди женятся?

Он буквально рухнул в кресло около столика, ножки которого были надежно прикреплены к палубе. От сильной качки многие предметы попадали. Анжелика едва удержалась, чтобы не поднять их. Замечание Рескатора дало ясно осознать, что от этого человека не приходится ждать любезностей и каждый ее жест послужит для него поводом унижить ее.

Он даже не предложил ей сесть. Вытянув свои длинные ноги, он, казалось, размышлял.

– Хороша была битва! – наконец сказал он. – Море, льды и наша скорлупка среди них. Слава богу, буря не разыгралась вовсе.

– Не разыгралась, – повторила Анжелика, – но все же море показалось мне очень бурным.

– Да нет, это еще не бурное. Но терять бдительность было нельзя.

– Где мы находимся?

Вместо ответа он протянул к ней руку:

– Дайте-ка мне зеркальце, которое вы там спрятали. Я был уверен, что оно вам понравится.

Он повертел его в руке:

– Еще одно доказательство того, что сокровища инков существовали... Иногда я думаю, неужели сказки о них – не сказки? Огромный индейский город с хрустальными башенками, стены, покрытые листьями золота и инкрустированные драгоценными камнями...

Он разговаривал сам с собой.

– Инки не знали стекла: это зеркало сделано из золотой амальгамы. Вот почему, когда в него смотрятся, оно придает лицу роскошь золота и мимолетность ртути. Женщина видит себя в нем именно такой, какова она есть на самом деле: прекрасной и мимолетной мечтой. Это зеркало – редчайшая вещь. Оно нравится вам? Вам бы хотелось иметь его?

– Нет, благодарю вас, – холодно ответила она.

– Вы любите драгоценности?

Придвинув к себе стоящий на столе железный ларец, он снял тяжелую крышку:
– Взгляните.

Он поднял жемчужное ожерелье с застежкой из позолоченного серебра – восхитительные жемчужины молочного цвета, отливающие всеми цветами радуги. Продемонстрировав ей это сокровище, он положил его на стол и взял другое – длинное ожерелье, в котором жемчужины были с золотистым отливом, все одинаковой величины, одинаковой яркости, и казалось чудом, что их так много собрано вместе. Это ожерелье можно было десять раз обернуть вокруг шеи, и все равно оно спускалось бы до колен.

Анжелика бросила на эти чудеса недоумевающий взгляд. Они оскорбляли ее убогое платье из бумазеи, ее черный суконный корсаж, надетый поверх блузы из грубой ткани. В своем плебейском наряде она вдруг почувствовала себя неловко.

«Жемчуга?.. Я носила такие же прекрасные, когда была придворной дамой, – подумала она и тотчас же поправила себя: – Ну, пожалуй, не совсем такие же...»

Потом у нее мелькнула другая мысль:

«Конечно, всегда приятно иметь такие прекрасные вещи, но вместе с тем это было и тяжким бременем. Зато теперь я свободна».

– Хотите, я подарю вам одно из этих ожерелий? – спросил Рескатор.

Анжелика посмотрела на него почти с ужасом:

– Мне? Но что, по-вашему, я буду делать с ним там, куда мы плывем?

– Вы сможете продать его вместо того, чтобы продавать себя.

Она вздрогнула и почувствовала, как у нее вспыхнули щеки. Нет, право, никогда еще она не встречала мужчину, который бы при каждой встрече оскорблял ее с такой невыносимой заносчивостью и в то же время относился к ней с таким деликатным вниманием.

Он с любопытством наблюдал за ней своими загадочными кошачьими глазами.

Потом неожиданно вздохнул.

– Нет, – сказал он с разочарованным видом, – ни вожеления в ваших глазах, ни жадного огня, который зажигается в глазах женщин при виде драгоценностей... Это даже начинает раздражать.

– Если я так раздражаю вас, – ответила Анжелика, – зачем вы держите меня здесь? Вы даже не проявили простой любезности, предложив мне сесть. Поверьте, такое отношение не доставляет мне удовольствия. И почему вы продержали меня пленницей всю ночь?

– Этой ночью, – сказал Рескатор, – мы находились в смертельной опасности. Я никогда не видел, чтобы льды пришли в эти широты, где бури, которые случаются в дни равноденствия, очень злы. Я сам был удивлен, почувствовав их приближение, и мне пришлось одновременно противостоять двум опасностям, от объединения которых не жди пощады: буре и льдам, и я еще добавлю – ночи. К счастью, как я вам уже сказал, каким-то чудом внезапно изменился ветер, и море немного утихло. Мы смогли бросить все силы на то, чтобы избежать столкновения со льдами, и к рассвету нам это удалось. Но вчера вечером мы были на грани катастрофы. Вот я и послал за вами...

– Но почему? – повторила Анжелика в недоумении.

– Потому что корабль имел все шансы получить течь, и я хотел, чтобы в минуту смертельной опасности вы были со мною рядом.

Ничего не понимая, Анжелика уставилась на него. Неужели он говорит серьезно? Невежливо! Это опять его мрачные шутки!

Прежде всего, всю эту непостижимую грозную ночь она проспала, не подозревая, что опасность совсем рядом. И потом, как может он говорить, что хотел в час смертельной опасности видеть ее рядом с собой, когда сам с откровенным презрением оскорбляет ее.

– Вы смеетесь надо мной, монсеньор? Зачем вы смеетесь надо мной?

– Я не смеюсь над вами и сейчас скажу вам почему.

Анжелика уже овладела собой:

– Во всяком случае, если опасность была так велика, как вы утверждаете, то лично я, к вашему сведению, желала бы в такую минуту быть рядом с дочерью и своими друзьями.

– Особенно рядом с мэтром Габриэлем Берном?

– Да, – подтвердила она, – рядом с Габриэлем Берном и его детьми, я всех их люблю, словно это моя семья. Перестаньте считать меня собственностью и распоряжаться мною, как вам заблагорассудится.

– Однако нам надо обговорить кое-какие долги, я предупреждал вас об этом.

– Возможно, – ответила Анжелика, все более повышая тон, – но прошу вас на будущее: когда вы надумаете пригласить меня для беседы, делайте это в менее оскорбительной форме.

– Что вы имеете в виду?

Она повторила то, что сказал ей арабский врач: монсеньор Рескатор хотел бы, чтобы она провела ночь в его апартаментах.

– Но ведь так оно и есть. В моих апартаментах вы находились в двух шагах от капитанского мостика, и в случае опасности...

Он сардонически рассмеялся:

– А вы надеялись на нечто иное?

– Нет, не надеялась, – жестко сказала Анжелика, платя ему той же монетой. – Боялась – да, ибо ни за что на свете не хотела принимать знаки внимания со стороны человека столь малогалантного, человека, который...

– Не бойтесь. Я ведь не скрыл от вас, что ваш нынешний облик вызывает у меня глубокое разочарование.

– Слава богу!

– Лично я готов поклясться – здесь даже дьяволу уже нечего добавить! Какой крах! Я хранил в памяти волнующую одалиску с солнечными волосами, а нашел женщину в чепце, благонравную мать семейства, нечто вроде монахини... Поверьте мне, есть отчего изумиться даже такому закаленному пирату, как я, который на своем веку повидал много женщин...

– Сожалею, что с товаром произошла неувязка, монсеньор. Надо было бы как-то постараться сохранить его, когда он был в надлежащем виде...

– И ваше высокомерие вместе с ним! Экая заносчивость! Когда там, на невольничьем рынке Кандии, вы стояли, униженно опустив голову...

Анжелика снова пережила час своего позора. Час, когда ее, обнаженную, выставили напоказ под вожаемые взгляды мужчин.

«Оказывается, мне суждено было пережить нечто худшее...»

Его странный голос вдруг зазвучал серьезно:

– О, вы были так прекрасны, госпожа дю Плесси, когда ваше тело прикрывали только волосы, ваши глаза напоминали глаза загнанной пантеры, а на спине виднелись следы весьма нелюбезного обращения с вами моего друга маркиза д'Эскренвиля. В общем, вы были прекрасней, неизмеримо прекрасней, чем сейчас в своей буржуазной надменности... А если к этому добавить, что вы имели честь быть любовницей короля Франции, а это, естественно, окружало вас ореолом, то стоили вы дорого... Уж поверьте мне!

Это было уже чересчур. Он бросает ей в лицо клевету, которую она слышала только от придворных, а главное, возвращается к ее прошлому, давая понять, что раньше она была куда красивее. Ну и грубиян! Ее охватила ярость.

– Ах вот как! Вам мало моей спины в рубцах? Так смотрите же! Смотрите, что люди короля сделали с той, которую считали любовницей его величества!

Она принялась яростно рвать шнуровку корсажа, распуская его, и потянула за рукав сорочки, обнажив плечо.

– Смотрите, – повторила она. – Они заклеили меня цветком лилии!

Рескатор поднялся и подошел к ней. Он осмотрел след от раскаленного железа со вниманием ученого, изучающего редкий экспонат. Ничто не отражало тех чувств, которые вызвало у него это признание.

– И правда! – сказал он наконец. – А гугеноты знают, что среди них находится особа, заслуживающая виселицы?

Анжелика уже сожалела о своем необдуманном поступке. Палец Рескатора словно бы невзначай ласково гладил маленький заглубивший шрам, и это прикосновение привело ее в дрожь. Ей хотелось снова натянуть на себя корсаж. Рескатор привлек ее к себе, положил свою твердую крепкую ладонь ей на запястье:

– Они знают об этом?

– Один из них знает.

– Так во Французском королевстве клеймят проституток и каторжников...

Она могла бы добавить, что так же клеймят женщин-протестанток и ее приняли за одну из них. Но ее охватила паника. Та самая паника, которую она уже не раз переживала, которая парализовывала ее в руках мужчины, когда тот пытался внушить ей, что желает ее.

– О, что за важность! – сказала она, вырываясь. – Думайте обо мне все, что вам угодно, но только оставьте меня в покое.

Рескатор с силой, совсем как в тот первый вечер, прижимал ее к себе, и она не могла ни поднять голову к жесткой маске, которая маячила над нею, ни оттолкнуть ее. Его рука была крепче, чем железный ошейник.

Другую руку он поднес к шее Анжелики, и его пальцы осторожно скользнули к груди, которую прикрывала только полурасстегнутая сорочка.

– Вы надежно прячете свои сокровища, – пробормотал он.

Уже давно ни один мужчина не позволял себе по отношению к ней такой дерзости. Она напряглась под уверенной рукой.

Рескатор был настойчив: он знал свою власть.

Анжелика не могла шелохнуться, она с трудом дышала. С ней происходило что-то странное. Ее бросило в жар, ей показалось, что сейчас она умрет.

Однако чувство самосохранения оказалось сильнее. Она с трудом проговорила:

– Оставьте меня! Отпустите!

Его лицо под маской сморщилось, словно от боли.

– Я внушаю вам такой ужас? – спросил он.

Он уже не удерживал ее больше.

Она отодвинулась к переборке, и ей пришлось опереться на нее.

Он изучающе смотрел на Анжелику, и она поняла, что ее реакция озадачила его.

Она совсем потеряла чувство меры, а это было так несвойственно ей.

«Ты никогда больше не будешь настоящей женщиной», – твердил ей какой-то внутренний голос, наполняя ее горечью. Потом она постаралась взять себя в руки: «В объятиях этого пирата?.. О нет, никогда! Он достаточно засвидетельствовал мне свое презрение. Кнут и пряник – вот, по-видимому, с помощью чего он добивался успеха у восточных женщин. Но со мною так не получится. Если я попаду в его сети, он превратит меня в несчастнейшее создание, порочное создание... А я и без него уже достаточно настрадалась из-за своих ошибок».

Но странно, в глубине души она чувствовала разочарование. «Иногда мне кажется, что он единственный, кто мог бы...»

Что с ней? Приятное беспокойство под вкрадчивыми пальцами – она снова познала это – вновь пробудило ее чувства, породило искушение уйти от одиночества? С ним она не знала бы страха, она уверена в этом, однако в ее глазах застыл ужас, и он, должно быть, читает его в них. Но он не знает, что не он тому причиной.

И сейчас еще она не осмеливалась смотреть на него.

Как человек умный, Рескатор, казалось, принял свою неудачу философски:

– Честное слово, вы защищаетесь более яростно, чем какая-нибудь девственница.

Кто бы мог подумать!

Скрестив руки на груди, он облокотился о стол.

– Ну ладно. Ваш отказ – дело серьезное. А как вы относитесь к нашей сделке?

– Какой сделке?

– Мне кажется, я правильно понял, когда вы пришли ко мне в Ла-Рошели, что в обмен на то, что я возьму на судно ваших друзей, вы вернете мне рабыню, которой я не сумел воспользоваться согласно моим желаниям и моим правам.

Анжелика почувствовала себя виноватой, как торговец, уличенный в том, что он пытается нарушить условия договора.

Когда она под проливным дождем бежала по ландам, одержимая единственной мыслью вырвать своих гонимых королем друзей из этой проклятой страны, она знала, что, обратившись за помощью к Рескатору, принесла в жертву себя. Но тогда все это показалось ей пустяком. Важным было одно – помочь им бежать.

Теперь он напоминал ей, что пришло время платить долг.

– Но... разве вы не сказали сейчас, что я не нравлюсь вам? – спросила она с надеждой.

У нее был просто дар веселить Рескатора.

– Женские плутни и недобросовестность в выполнении своих обязательств всегда лишены доводов, даже самых нелепых, – проговорил он наконец сквозь хриплый смех, в котором ей слышалась угроза. – Дорогая моя, здесь я хозяин! Я могу позволить себе изменить свое мнение даже в том, что касается вас. Вы не лишены обаяния. В гневе вы весьма обольстительны, и в вашей порывистости есть свое очарование. Признаюсь вам, уже не первый день я мечтаю избавить вас от ваших чепчиков и монашеских одеяний и больше обнажить то, что сейчас вы соизволили лишь приоткрыть мне.

– Нет, – сказала Анжелика, теснее кутаясь в свои одежды.

– Нет?

Он подошел к ней с показным небрежением. Она сочла, что у него тяжелая, напористая походка. Несмотря на внешнюю развязность, что все же отличало его от строгого идалго, он изображал из себя сурового испанского гранда. Иногда он выходил из этого образа. Забавлялся, развлекался. А потом вновь проявлял свою безжалостную властность, и тогда ей становилось страшно.

В эту минуту Анжелика знала, что если даже она соберет все свои силы – и физические, и моральные, – это ее не спасет.

– Не надо, – сказала она торопливо, – это невозможно! Ведь вы уважаете законы ислама, вспомните, они гласят, что нельзя силой брать чужую жену. Я связана обещанием с одним из моих друзей. Мы должны пожениться... через несколько дней... прямо здесь, на корабле.

Она несла невесть что. Но ей нужно было срочно возвести между ними стену. Вопреки ожиданиям ее слова произвели впечатление.

Рескатор резко остановился:

– Один из ваших друзей, вы говорите? Раненый?

– Д... да.

– И он-то и знает?

– Что знает?

– Что вы клеймены цветком лилии?

– Да, он.

– Ого! Для гугенота это мужественный шаг! Плениться такой потаскухой!

Его возглас поразил ее. Она приготовилась к тому, что он встретит эту новость каким-нибудь циничным замечанием. А он казался задетым.

«Это потому, что я напомнила ему о законах ислама, он относится к ним с уважением», – подумала она.

Словно прочтя ее мысли, он яростно бросил ей:

– Законам ислама я придаю не больше значения, чем вере тех христианских стран, откуда вы плывете.

– Вы нечестивец, – сказала испуганно Анжелика. – Не говорите таких слов сейчас, когда благодаря Богу мы спаслись во время бури.

– Бог, которому я воздаю благодарность, даже отдаленно не имеет ничего общего с Богом – сообщником несправедливостей и жестокости вашего мира... Старый мир прогнил, – заключил он с горечью.

Эта диатриба была так неожиданна для него. «Я его задела», – снова подумала Анжелика.

Она была обескуражена этим, как Давид, победивший Голиафа с помощью обыкновенной пращи.

Она увидела, как Рескатор снова тяжело опустился в кресло около стола и, взяв из ларца тяжелое жемчужное ожерелье, стал рассеянно пропускать жемчужины между пальцами.

– Вы давно его знаете?

– Кого?

– Вашего будущего супруга.

В его голосе вновь звучал сарказм.

– Да... давно.

– Несколько лет?

– Несколько лет, – подтвердила она, возвращаясь мыслями к всаднику-протестанту, который проявил милосердие и пришел ей на помощь, когда она искала цыган, похитивших ее маленького Кантора.

– Он отец вашей дочери?

– Нет.

– Даже так! – Рескатор снова презрительно усмехнулся. – Вы знаете его несколько лет, но это не помешало вам разрешить сделать себе ребенка красивому любовнику с рыжими волосами?

Сначала она даже не поняла его. «Какой любовник с рыжими волосами?»

Потом кровь бросилась ей в лицо, и она едва сумела сохранить выдержку. Глаза ее метали молнии.

– Кто дал вам право разговаривать со мною таким тоном! Вы не знаете моей жизни. Не знаете, при каких обстоятельствах я встретила с мэтром Берном. При каких обстоятельствах у меня появилась дочь. По какому праву вы оскорбляете меня? По какому праву вы допрашиваете меня, как... как полицейский?

– Я имею на вас все права.

Он произнес эти слова бесстрастно, мрачным тоном, но тон этот показался ей более опасным, чем его угрозы. «Я имею на вас все права...»

Это прозвучало как нечто неотвратимое. Она уже не пыталась принять его слова за шутку, поняв, что находится в его власти.

«Я все равно убегу от него... Мэтр Берн защитит меня!»

Она растерянно огляделась, у нее было ощущение, будто все это происходит не наяву, будто она пребывает где-то вне мира, вне времени.

Глава VI

Занимающемуся дню еще не удалось как следует проникнуть сквозь огромные окна. Каюта была окутана полутьмой, и это придавало их разговору таинственный или даже зловеющий оттенок. Теперь, когда Рескатор стоял вдали от Анжелики, ей казалось, что он похож на какой-то мрачный призрак, и единственным светлым пятном были его руки, перебирающие жемчужины ожерелья.

И тут она поняла, почему сегодня он вдруг показался ей каким-то другим, непохожим на самого себя.

Он сбрил бороду. Это был он, и это был словно совсем другой человек.

Ее сердце щемила тоска. Она чувствовала, как ее безотчетно охватывает страх при мысли, что она снова здесь, с этим человеком, которого не понимает и который в то же время словно околдовывает ее чем-то.

«Этот человек принесет мне невыразимые страдания».

Она с загнанным видом взглянула на дверь.

– А теперь позвольте мне уйти, – произнесла она почти шепотом.

Он словно не услышал ее, потом поднял голову:

– Анжелика...

В его приглушенном голосе ей послышались отзвуки чьего-то другого голоса.

– Как вы далеки!.. Никогда больше мне не удастся добиться вас...

Широко раскрыв глаза, она замерла. Почему он говорит с ней таким тихим и печальным голосом? Она почувствовала, как внутри у нее вдруг все оборвалось. Ноги словно приросли к ковро. Ей хотелось бежать к двери, чтобы избавиться от этого колдовства, которым он намеревался сломить ее, но она не смогла сделать ни шагу.

– Прошу вас, позвольте мне уйти, – умоляющим голосом снова сказала она.

– Нет, все-таки надо покончить с этим нелепым положением. Я пришел сегодня утром с намерением поговорить с вами, но разговор у нас потек по иному руслу. А сейчас все стало еще более абсурдным.

– Я не понимаю вас... Я не понимаю, о чем вы говорите.

– Считается, что женщины обладают интуицией, что у них говорит голос сердца. Что же вам сказать? Самое меньшее, что можно отметить, – вы начисто лишены этого дара... Ну ладно, перейдем к делу. Госпожа дю Плесси, когда вы приехали в Кандию, одни утверждали, что вы отправились туда ради каких-то дел, другие уверяли, что вы приехали, чтобы воссоединиться со своим любовником. Но были и такие, кто говорил, будто вы разыскиваете одного из своих мужей. Какая же версия верна?

– Почему вас это интересует?

– О, отвечайте, – нетерпеливо сказал он. – Вы и впрямь решили сражаться до конца. Вы умираете от страха, но не сдаетесь. Отчего вы боитесь ответить на мои вопросы?

– Сама не знаю...

– Ответ, я бы сказал, слишком робок для вас, с вашим обычным хладнокровием, но он свидетельствует о том, что вы начинаете догадываться, к чему я клоню... Госпожа дю Плесси, вы нашли мужа, которого искали?

Она покачала головой, не в силах вымолвить ни слова.

– Нет? И тем не менее я, Рескатор, который знает на Средиземноморье всех и вся, могу с уверенностью сказать вам, что он находился совсем рядом с вами.

Анжелика почувствовала, как у нее подкосились ноги, тело стало безвольным.

Она крикнула, почти теряя сознание:

– Нет, нет, это неправда! Это невозможно! Если бы он хоть на мгновение оказался рядом, я узнала бы его из тысячи!..

– Вот как! Выходит, вас вводит в заблуждение это! Так смотрите же!

Глава VII

Рескатор поднес руку к затылку.

И прежде чем Анжелика поняла, что он собирается сделать, кожаная маска оказалась у него на коленях и он повернул к ней открытое лицо.

Она в ужасе закричала, закрыв руками глаза. Она помнила, как на Средиземноморье ей рассказывали, будто у пирата в маске обрубленный нос. Страх увидеть обезображенное лицо вызвал такую реакцию.

– Что с вами?

Она услышала, как он встал, подошел к ней.

– Не очень красив Рескатор без своей маски? Согласен. И тем не менее неужели истина настолько непереносима для вас, что вы не осмелитесь даже взглянуть на меня?

Пальцы Анжелики, закрывавшие ее глаза, тихо скользнули вниз. В двух шагах от нее стоял мужчина, который был незнаком ей, и в то же время она его знала.

Она облегченно вздохнула, – по крайней мере, нос у него не обрублен.

Его жгучие черные глаза под густыми бровями блестели так же, как и в прорезях маски. Лицо было худощавое, жесткое, левую щеку пересекали рубцы от старых ран. Эти отметины, которые несколько деформировали его, производили впечатление, но пугающего в нем не было ничего.

Когда этот незнакомец заговорил, он снова стал для нее Рескатором.

– Не смотрите на меня с таким ужасом. Я не призрак. Подойдите сюда, к свету... Помилуйте, ну не может же быть, чтобы вы меня не узнали...

Он нетерпеливо повел ее к окну, и она подчинилась ему все с тем же застывшим непонимающим взглядом.

– Посмотрите на меня внимательно... Неужели эти шрамы не будят в вас никаких воспоминаний? Ваша память истощилась так же, как ваше сердце?

– Почему, – прошептала она, – почему вы мне сказали сейчас, что в Кандии... он был совсем рядом со мною...

В его черных глазах, наблюдавших за нею, проскользнуло беспокойство. Он резко встряхнул ее:

– Да очнитесь же! Не прикидывайтесь, что вы не понимаете. В Кандии рядом с вами был я. В маске, да. Вы не узнали меня, а я не успел сказать вам, кто я. Но сегодня?... Вы слепая... или безумная?

«Да, безумная...» – подумала Анжелика. Перед нею стоял мужчина, который по дьявольскому наущению осмеливался предстать перед нею с лицом Жоффрея де Пейрака.

Это столь любимое лицо, жгучее воспоминание о котором долгое время жило в ней, постепенно выскользнуло из ее сердца, и черты его стерлись, ведь у нее не осталось даже маленького портрета, который мог бы питать ее память.

Но сейчас все было наоборот: его точный портрет предстал перед нею, словно в галлюцинации. Тонкий благородный профиль, твердые насмешливые губы, резко очерченные линии скул и подбородка, четко выступающие под матовой, как у всех жителей Аквитании, кожей, и такие знакомые ей шрамы, делающие лицо чуть асимметричным, по которым она в те давние времена иногда ласково проводила пальцем.

– Вы не имеете права поступать так, – сказала она еле слышно. – Вы не имеете права принимать его облик, чтобы обмануть меня.

– Перестаньте бредить... Почему вы не хотите признать меня?

Она попыталась противостоять этому опасному видению:

– Нет, нет, вы не... он. У него были роскошные черные волосы, они обрамляли его лицо...

– Мои волосы? Я уже давным-давно приказал остричь эти лохмы, они мешали мне. Плавать по морям без них сподручнее.

– Но он... он был хромой! – крикнула она. – Можно остричь волосы, можно закрыть маской лицо, но нельзя сделать длиннее ногу!

– И тем не менее я встретил хирурга, который совершил со мной это чудо. Хирург в пунцовой мантии... вы ведь тоже имели счастье тогда видеть его!

И так как она в полном смятении молчала, он бросил ей:

– Палач!

Он принялся ходить из угла в угол, разговаривая сам с собой:

– Мэтр Обен, палач, заплочных дел мастер в городе Париже. О, вот уж умелый человек, по приказу нашего короля он разорвет вам нервы и мускулы и приведет вас в надлежащий вид. Моя хромота была из-за стяжения сухожилия под коленом. После трех сеансов дыбы там осталась лишь зияющая рана, а больная нога сравнялась по длине со здоровой... Какой же у нас прекрасный палач и какой добрый король! Было бы ложью сказать, что преобразование произошло быстро. Главным я обязан своему другу Абд эль-Мешрату, который блестяще завершил так превосходно начатое палачом дело. И теперь я знаю, что с небольшим вкладышем, вложенным внутрь сапога, походка моя почти не отличается от походки здорового человека. Ощущать это после тридцати лет хромоты, чувствовать, что твердо стоишь на ногах, весьма приятно. Вот уж никогда не думал, что такое может когда-нибудь случиться со мной. Нормальная походка, то, что для многих людей так естественно, была для меня событием, каждодневной радостью... я готов был прыгать, скакать, как клоун. Я мог предаваться тому, чего был лишен мальчик-инвалид, а потом – мужчина, вид которого отталкивал... И это тем более важно здесь, на море...

Он говорил словно сам с собою, но взгляд его был неотрывно обращен к бледному, почти восковому лицу молодой женщины. Она продолжала держаться так, словно ничего не слышит, не понимает. Безусловно, он ожидал, что она будет потрясена, но чтобы настолько...

Наконец губы Анжелики дрогнули.

– Но голос!.. Как можете вы утверждать... У него был несравненной красоты голос! Уж его-то я помню очень хорошо!

Она слышала сейчас его голос, с какой-то необычайной ясностью всплывший из прошлого.

Вот он, в красном бархатном камзоле, стоит против нее на другом конце банкетного стола, озаренное улыбкой лицо обрамлено роскошной черной шевелюрой, и его прекрасное бельканто наполняет звуки своды старинного дворца в Тулузе.

Ах, как она его слушала тогда! Она горестно затрясла головой. Воспоминание об этом волшебном пении и мучительное сожаление о том, что некогда было... было... и о том, что могло бы быть...

– А его голос? Золотой голос королевства?

– Умер!

Горечь, с которой он бросил это слово, еще больше подчеркнула, как его голос отличается от того, волшебного... Нет, она никогда не сможет соединить это лицо и этот голос, что прозвучал сейчас.

Рескатор остановился перед нею и сказал почти с нежностью:

– Вы помните, в Кандии я сказал вам, что некогда сорвал голос, когда звал кого-то очень далекого... звал Бога... Но в обмен на голос Он согласился дать мне то, что я просил у Него: жизнь... Это произошло на паперти собора Парижской Богоматери. Тогда я подумал,

что на сей раз пришел мой смертный час... и я позвал Бога. Позвал слишком громко, хотя у меня уже почти не было сил... И мой голос исчез навсегда... Бог дал – Бог взял. За все надо платить...

Сомнения вдруг оставили ее.

Он сейчас воскресил в ее памяти ту ужасную картину, которая принадлежала только им двоим: его, приговоренного к казни, в выпростанной рубахе, с веревкой на шее, везут на паперть собора Парижской Богоматери для публичного покаяния. Это было много лет назад.

И этот доведенный до последней стадии изнеможения несчастный, которого поддерживали палач и священник, – одно из звеньев невероятной цепи, связавшей блестящего тулузского сеньора со стоящим сейчас перед нею пиратом.

– Но в таком случае, – сказала она с несказанным удивлением, – вы... мой муж?

– Я был вашим мужем... Но что осталось от этого сейчас? Слишком мало, мне кажется...

Он едва заметно усмехнулся, и она вдруг узнала его.

Вопль, который она так часто мысленно издавала: «Он жив!» – готов был разорвать ее сердце, но сейчас во всем этом было что-то зловещее, почти разочарование. И ни капли той ослепляющей радости, о которой она мечтала столько лет.

«Он жив... И в то же время он мертв: человек, который любил меня... который пел для меня. И эту любовь... и этот голос, нет, ничто не вернет их... Никогда».

У нее тяжело сдавило грудь, словно и впрямь ее сердце готово было разорваться. Она хотела набрать в грудь воздуху, но не смогла. Ее поглотила черная пропасть, куда она провалилась, унося в свое беспамятство ощущение, что с нею случилось нечто ужасное и вместе с тем восхитительное.

Глава VIII

Когда она пришла в себя, в ней жила только эта мысль. Ощущение непоправимой катастрофы и какого-то невыразимого счастья охватило все ее существо, повергая ее то в холод, то в приятный жар, погружая то во мрак, то в лучезарное сияние.

Она открыла глаза.

Счастье было здесь, в облике стоящего у ее изголовья человека с чертами лица, которые она уже не отвергала.

Загрубевшее, худощавое и не такое асимметричное, как прежде, потому что его шрамы, казалось, немного сгладились, – мужественное лицо мужчины зрелого возраста, лицо Жоффрея де Пейрака.

Самым тягостным было то, что на нем не было и тени улыбки.

Он смотрел на нее так бесстрастно и отчужденно, словно не узнавал больше.

И все же в затуманенном мозгу Анжелики билась мысль, что чудо, о котором она столько лет мечтала, свершилось, и она потянулась к мужу.

Он жестом остановил ее:

– Прошу вас, сударыня. Не считайте себя обязанной раздувать страсть, которая, я не отрицаю, некогда связывала нас, но за долгие годы угасла в наших сердцах.

Анжелика застыла, словно ее неожиданно ударили. Прошло несколько секунд. В тишине она вдруг как-то обостренно услышала похожее на раздирающий душу стон завывание ветра, который рвал ванты и паруса, и оно эхом отозвалось в ее сердце.

Он произнес слова с отчужденным и надменным видом знатного тулузского сеньора, каким он некогда был. И даже под этой новой личиной пирата она узнала его. Это *он*!

Должно быть, она смертельно побледнела.

Он пошел к шкафчику в глубине салона, что-то достал оттуда. Если смотреть со спины, это, конечно, Рескатор, подумала она, и у нее на мгновение мелькнула надежда, что все происходящее – дурной сон. Но он вернулся, и в полумраке полярного утра неумолимая судьба вновь представила ей забытое лицо.

Он протянул ей бокал:

– Выпейте вина.

Она помотала головой.

– Выпейте, – настаивая, сказал он своим хриплым голосом.

Только для того, чтобы не слышать больше этого голоса, она залпом осушила бокал.

– Вам лучше? Что с вами?

От алкоголя Анжелика задохнулась, закашлялась и с трудом смогла снова дышать. Вопрос вернул ее к прежним мыслям.

– Как – что? Узнать, что человек, которого я оплакиваю столько лет, жив, предо мною... И вы еще хотите, чтобы я...

На этот раз ее остановила его улыбка. Улыбка, открывшая его по-прежнему восхитительные зубы. Улыбка последнего из трубадуров, сейчас окрашенная то ли грустью, то ли разочарованием.

– Пятнадцать лет, сударыня! Подумайте сами! Попытаться обмануть себя – недостойная и глупая комедия. Теперь у нас обоих иные воспоминания... иные увлечения...

Правда, которой она отказывалась взглянуть в лицо, пронзила ее словно ударом холодного острого кинжала.

Она нашла его, но он не любит ее больше. Столько долгих лет она в своих мечтах представляла себе, как он протягивает к ней руки. Ее мечты – теперь она убедилась в этом – были всего лишь глупыми грезами, как и большинство женских грез. Жизнь столкнула ее

с твердым камнем, а не с мягким воском ее воздушных замков. Эти две жестокие фразы отталкивали, причиняли боль.

«Пятнадцать лет, сударыня! Подумайте сами!»

Он любил других женщин!

Может быть, он даже женился? На женщине, которую любит страстно, гораздо сильнее, чем когда-то любил ее? Холодный пот выступил на ее висках, ей казалось, что она сейчас снова грохнется без чувств.

– Почему вы открылись мне сегодня?

Он глухо засмеялся:

– Вот именно, почему сегодня, а не вчера и не завтра? Я уже сказал вам: чтобы прекратить эту глупую комедию. Я надеялся, что вы узнаете меня сами, но пришлось увериться, что вы тихо и окончательно похоронили меня в своем сердце, ибо в вашу душу не закралось даже малейшего подозрения. Вы расточали свои заботы вашему дорогому раненому и его детям, и, черт побери, хотя, наверное, ни у одного мужа никогда не было такой блестящей возможности инкогнито наблюдать, как ведет себя его ветреная супруга, комедия показалась мне сомнительной, и я решил положить ей конец. Иначе как бы не пришлось мне ожидать, когда вы придете ко мне как к капитану корабля, единственному хозяину на борту и, по сути дела, единственному представителю закона, просить соединить вас узами брака с этим торговцем. Такая шутка могла бы завести слишком далеко, вы не думаете... госпожа де Пейрак?

Он рассмеялся своим дребезжащим смехом, который она не могла больше выносить.

– Замолчите! – крикнула она, затыкая руками уши. – Все это ужасно!

– Нет, это не ответ на мои слова. Это крик души, если только она у вас есть.

Он продолжал иронизировать. Он с легкостью переносил то, что ее сокрушало, словно ураган. У него было время подготовиться к этому разговору, он еще в Кандии знал, кто она. И потом, все это не так уж волнует его. Так спокойно можно рассуждать только тогда, когда человек не любит.

Их положение сейчас настолько драматично и двусмысленно, а он, должно быть, в душе забавляется!..

И это тоже так свойственно ему! Разве не насмешничал он над всеми в зале суда, хотя знал, что ему грозит сожжение на костре?..

– Я, кажется, сойду с ума! – простонала она, ломая себе руки.

– О нет! – И равнодушным и уверенным тоном он добавил: – Вы не сойдете с ума из-за такой малости. Помилуйте, вы достаточно знали мужчин! Женщина, которая осмелилась противостоять Мулаю Исмаилу... Единственная христианская рабыня, которой когда-либо удалось бежать из гарема и вообще из Марокко... Правда, у вас был храбрый сообщник... этот легендарный вождь рабов... как там его звали? Ах да, Колен Патюрель. – Он повторил, задумчиво глядя на нее: – Колен Патюрель...

Имя и тон, которым он произнес его, дошли до сознания Анжелики сквозь туман, в котором блуждали ее мысли.

– Почему вы вдруг вспомнили о Колене Патюреле?

– Чтобы освежить вашу память...

Горящий взгляд черных глаз скрестился с ее взглядом. В нем была непреодолимая притягательная сила, и через несколько мгновений Анжелика, словно птичка, замороженная взглядом змеи, была уже не способна освободиться от него. И под этим взглядом у нее как озарение мелькнула догадка:

«Он знает, что Колен Патюрель любил меня... и что я любила его...»

Ей стало страшно, больно. Вся ее жизнь представилась ей как цепь неисправимых ошибок, за которые ей придется теперь расплачиваться слишком дорогой ценой.

«Да, я тоже любила других... Но ведь это ничего не значит!» – хотела крикнуть она, охваченная неосознанной женской гордыней.

Как объяснить ему все это? Нет таких слов!

Ее плечи поникли. Жизнь легла на них каменной тяжестью.

Подавленная, она уронила лицо в ладони.

– Вы же видите, дорогая, что возражения не помогают, – пробормотал он глухим голосом, который по-прежнему, казалось ей, принадлежит не ему, – и я еще раз повторяю вам, что не приму участия в этой лицемерной комедии, которую вы, женщины, прекрасно умеете разыгрывать. Я сам не испытываю угрызений совести и предпочитаю видеть вас такой же... И чтобы окончательно успокоить вас, даже скажу, что понимаю ваше потрясение. Еще бы, готовишься вступить в брак с новым избранником сердца, а тут вдруг объявляется давно и прочно забытый супруг, который к тому же, кажется, требует от тебя отчета! Успокойтесь, все в порядке. Разве я сказал, что буду препятствовать вашим матримониальным планам... если они так дороги вам?

Эта демонстративная индугенция была для нее самым тяжким оскорблением, которое он мог нанести. Неужели он допускает мысль, что теперь она соединит себя узами брака с другим? Нет, это просто знак того, что он не нуждается в ней больше, что он с легким сердцем принимает то, что ей кажется полной ересью. Он стал грубым, бесчувственным греховодником. Все это просто непостижимо! Кто-то из них потерял разум – или он, или она!

Он хотел унижить ее, а это, напротив, придало ей силы. Она выпрямилась и бросила на него высокомерный взгляд, машинально сжимая палец, на котором некогда носила обручальное кольцо:

– Вы говорите вздор, сударь. Да, прошло пятнадцать лет, но, поскольку *вы живы*, я по-прежнему ваша жена, если не перед людьми, то перед Богом.

Судорога на мгновение исказила лицо Рескатора. В этой женщине, которую он отказывался признать своей женой, он вдруг вновь увидел непреклонную молодую девушку знатного происхождения, которую много лет назад ввел в свой тулузский дворец.

Мало того, в каком-то мимолетном видении она предстала перед ним в облике *светской дамы*, какой она была... в Версале. «Самая прекрасная из придворных дам, – как рассказывали ему, – больше королева, чем сама королева».

В одно мгновение он мысленно сорвал с нее грубые тяжелые одежды и представил ее себе во всей красе, в свете люстр, с обнаженной белой спиной и безукоризненными плечами, с дорогим колье на шее, представил себе ее гордую осанку.

Вынести это было выше его сил.

Он встал, потому что, хотя и пытался выглядеть бесстрастным, нервы его были на пределе.

Но когда после долгого молчания он снова обернулся к Анжелике, его лицо было по-прежнему непроницаемо.

– Все так, – согласился он. – Вы действительно единственная женщина, на которой я был когда-либо женат. Но вы, однако, не последовали моему примеру и, если верить моим расследованиям, очень быстро нашли мне замену.

– Я считала, что вы умерли.

– Плесси-Бельер, – проговорил он медленно, словно роясь в своей памяти. – Я никогда не жаловался на память и вспоминаю, что вы рассказывали мне об этом своем кузене, писаном красавце, в которого вы даже были немножко влюблены. Какая необыкновенная удача – освободившись от мужа, навязанного вам отцом, к тому же хромого неудачника, воплотить мечту, столь долго лелеемую в душе.

Анжелика поднесла сложенные ладони ко рту и сокрушенно покачала головой.

– Неужели это все, во что вы поверили после той любви, которую я отдала вам? – горестно сказала она.

– Вы были очень молоды... Какое-то время я вас развлекал. И я считал, что более очаровательной супруги мне бы не сыскать. Но я никогда не думал, даже в те времена, что вы созданы для верности... Оставим это... Копание в прошлом мне представляется занятием бесплодным. Тщетно пытаться вернуть к жизни то, что сгинуло навсегда. Однако, поскольку вы сейчас заявили, что продолжаете считать себя моей женой, я вынужден задать вам в этом качестве некоторые вопросы, которые касаются скорее других, чем нас, но важность их превосходит наши собственные интересы...

Его черные брови сдвинулись, отчего глаза, которые иногда, в минуты веселья, пусть даже показного, казались почти золотистыми, потемнели. Гнев или подозрение сделало его взгляд мрачным, пронизывающим.

Анжелика миг за мигом вновь узнавала игру его лица, которая некогда так завораживала ее. «О, это он! Конечно же это он!» – говорила она себе, изнемогая от этого открытия и сама не понимая, отчаяние это или радость.

– Куда вы дели моих сыновей? Где мои сыновья?

Она, словно очнувшись, переспросила:

– Ваши сыновья?

– Мне кажется, я выразился достаточно ясно. Да, мои сыновья. И ваши тоже! Ваши сыновья, отцом которых, по-видимому, являюсь я. Старший, Флоримон, который родился в Тулузе, в Отеле Веселой Науки. И второй, которого я не видел, но знаю, что он родился: Кантор. Где они? Где вы их бросили? В глубине души я надеялся, что найду их среди беженцев, которых вы попросили меня взять на корабль. Мать, спасающая своих сыновей от несправедливости судьбы, – вот роль, за которую я наверняка был бы благодарен вам. Но ни один из подростков, оказавшихся на судне, не подходит по возрасту. И как я вижу, вы заботитесь только о своей дочери. А где же они? Почему вы не взяли их с собой? На чье попечение оставили? Кто заботится о них?..

Глава XIX

Ответить для нее означало то же, что распять себя. Еще раз подтвердить самой себе, что два веселых мальчика навсегда сгинули. Это было ее мукой, ее страданием. Она хотела спасти их от нужды, дать им положение в обществе. Она мечтала увидеть их высокими, красивыми, уверенными в себе блестящими юношами. Она никогда не увидит, как они взрослеют. Они тоже покинули ее.

Она с трудом проговорила:

– Флоримон уехал... давно... Ему тогда было тринадцать лет. Я так и не узнала, что с ним случилось. А Кантор... умер, когда ему было девять лет.

Ее ровный голос мог показаться безразличным.

– Я ждал такого ответа. Догадывался. Вот чего я не прощу вам никогда, – сказал Жоффрей де Пейрак, и от гнева на его скулах заходили желваки, – так это безразличия к моим сыновьям. Понимаю, они напоминали вам то время, о котором вам хотелось бы забыть. Вы их устранили. Вы предавались радостям жизни, любви. И даже о том из них, который, возможно, жив, вы без всякого волнения говорите, что ничего не знаете о его судьбе? Я многое мог бы вам простить, но это – нет, никогда!

Если до этого Анжелика была словно во сне, теперь она вдруг подскочила к нему, бледная как смерть.

Из всех обвинений, которые он бросил ей, это было самое ужасное и самое несправедливое. Он упрекал ее в том, что она забыла его, и это была неправда. В том, что она его предала, и это была – увы! – отчасти правда. В том, что она никогда не любила его, – это было чудовищно.

Но считать ее дурной матерью, ее, которая готова была отдать за сыновей каплю за каплей всю свою кровь! Возможно, она не была слишком ласкова с детьми, редко бывала с ними, но все равно Флоримон и Кантор всегда занимали главное место в ее сердце... Рядом с ним... И он осмеливается бросать ей в лицо упреки! Сам все годы скитался по морям, не заботясь ни о ней, ни о сыновьях, а теперь вдруг затосковал о них. Разве он вытащил их из нужды, в которую повергло невинных малюток его крушение? Сейчас она спросит его, по чьей вине гордый малыш Флоримон оказался без имени, без титулов, как какой-нибудь внебрачный ребенок или еще того хуже? Она расскажет ему, как погиб Кантор. По его, Жоффрея де Пейрака, вине. Да, по его вине. Потому что его пиратский корабль потопил французскую галеру, на которой находился юный паж герцога де Вивонна.

Она задыхалась от возмущения и невыносимой боли. Она уж открыла было рот, чтобы высказать ему все это, но тут судно подняло на огромной волне, и если бы она не ухватила за стол, то наверняка упала бы. Увы, она держалась на ногах не так прочно, как Жоффрей де Пейрак, который был словно привинчен к палубе.

Но этого короткого мгновения ей хватило, чтобы опомниться и удержать те непоправимые слова, которые она собиралась бросить ему в лицо. Может ли она сказать отцу, что он повинен в смерти сына?

Разве судьба и без того не жестоко обошлась с Жоффреем де Пейраком? Он чудом избежал смерти, его лишили состояния, изгнали с родины, вынудили стать скитальцем, он потерял все свои права, кроме тех, которые смог завоевать шпагой.

Он стал совсем другим человеком, закаленным беспощадным законом, диктующим, что человек должен убивать, чтобы не быть убитым самому, – так что же теперь возмущаться им? Это она, Анжелика, была настолько наивна, что проливала слезы над своей несбывшейся мечтой. Жестокая жизнь требует иного. За эти годы он перенес столько горя, зачем она будет добавлять ему еще, говорить, что он погубил их сына?

Нет, она не скажет ему этого. *Никогда!* Но как бы невзначай расскажет то, что он, похоже, не хочет знать. Сколько слез пролила, какой ужас пережила юная, не знающая жизни жена, повергнутая в нищету и забвение. Она не расскажет ему, как погиб Кантор, но расскажет, как он родился в тот самый вечер, когда пылал костер на Гревской площади, и как несчастна она была, как шла холодными улицами Парижа, толкая впереди себя тачку, откуда выглядывали посиневшие от холода круглые личики сыновей.

Тогда, возможно, он поймет. Он осуждает ее потому, что не знает ее жизни.

Но когда он все узнает, неужели он останется таким же бесчувственным? Неужели ее слова не смогут разжечь искру, которая, возможно, еще теплится под пеплом в сердце, оплакавшем столько потерь? В сердце таком же разбитом, как и ее.

Но в ней хотя бы жива способность любить. Сейчас она упадет перед ним на колени, будет умолять его. Она выскажет ему все, что уже готово сорваться с ее губ. Как она всегда, всегда любила его... Как, когда их разлучили, продолжала ждать его, как ей его не доставало... Разве не она, нарушив волю короля, безрассудно бросилась на его поиски, ввергнув себя в неисчислимые беды?

Но тут она увидела, что внимание Жоффрея де Пейрака чем-то отвлечено. Он с интересом смотрел на дверь салона, которая тихонько, тихонько приоткрывалась... Это было нечто необычное. Мавр, охраняющий дверь, хорошо знает свое дело. Кто мог позволить себе без приглашения войти в апартаменты величественного хозяина? Ветер или туман?

Порыв ледяного ветра ворвался, внеся с собой клубы тумана, который рассеялся в теплом воздухе салона. И в этом туманном занавесе появилась маленькая фигурка: зеленый атласный чепчик, огненно-рыжие волосы. Эти две яркие краски с особой силой выделялись на фоне сереющего за дверью дня. За спиной Онорины виднелось укутанное, пожелтевшее от холода лицо караульного мавра.

– Почему ты разрешил ей войти? – спросил его Жоффрей де Пейрак.

– Девочка искала мать.

Онорина подбежала к Анжелике:

– Мама, где ты была? Мама, пойдем!

Анжелика плохо видела ее. Она смотрела на обращенное к ней растерянное личико, на чуть раскосые пронизательные глазки Онорины. Дочь появилась так некстати и так неожиданно, что на какое-то мгновение Анжелика вновь испытала однажды уже пережитые чувства: отвращение к этому созданию, которое она родила против своей воли, отказ признать его своим ребенком, отказ от собственной крови, смешанной в этой девочке с грязным источником, яростное неприятие того, что произошло в тот страшный день, жгучий стыд.

– Мама, мама, где ты была целую ночь? Мама!

Девочка настойчиво повторяла это слово, которое обычно редко произносила. Защитный инстинкт, так сильно развитый у детей, диктовал ей это необыкновенное слово, единственное слово, которое могло вернуть ей мать, вырвать ее из рук этого Черного человека, который позвал ее и запер в своей красивой, словно во дворце, комнате, полной сокровищ.

– Мама, мама!

Онорина здесь. Она – знак того, что ей, Анжелике, нет прощения, печать на двери потерянного рая, – так некогда королевские печати на дверях Отеля Веселой Науки навсегда обозначили конец света, конец целой эпохи ее жизни, счастья.

Образы былого мелькали перед глазами Анжелики, смешиваясь с реальностью.

Она взяла Онорину за руку.

Жоффрей де Пейрак смотрел на девочку. Он прикидывал в уме ее возраст: три года? четыре? Следовательно, она не дочь маршала дю Плесси. Тогда – чья? По его слегка иронической и презрительной улыбке Анжелика догадывалась, о чем он думает. Случайный

любовник. «Красавец с рыжими волосами!» Сколько их приписывали ей, прекрасной маркизе дю Плесси, любовнице короля Франции, вдове графа де Пейрака? И даже сейчас еще она не смогла бы рассказать ему всей правды об Онорине. При одной мысли об этом все ее существо восставало от стыда. Признаться в такой мерзости – все равно что показать ему постыдную, отталкивающую рану. Нет, пусть это останется с ней, пусть навсегда останется тайной, незаживающими рубцами на ее теле и в ее сердце, как любовь Колена Патюреля, как смерть маленького Шарля Анри...

Онорина, дитя насилия, – расплата за все те объятия, которых она, Анжелика, не отвергла или даже желала.

Филипп, домогательства короля, грубая и восторженная страсть бедного нормандца, предводителя рабов, грубое и веселое удовольствие, которое доставлял ей полицейский Дегре, утонченные ласки герцога де Вивонна. Ах да! Она забыла Ракоци... и других, разумеется.

За столько пробежавших... прожитых лет. Им, ею. Нельзя требовать, чтобы они стерлись из памяти.

Он машинально гладил свой подбородок. Ему явно не хватало недавно сбритой бороды.

– Признайтесь, дорогая, ситуация весьма щекотливая!

Как может он иронизировать, когда она едва держится на ногах, так у нее колотится сердце.

– Чтобы прояснить ее, должен сказать вам, что девочка – не самое печальное... что нас разделяет...

– Идем, мама! Ну идем же, мама, – ныла Онорина, дергая мать за юбку.

– Вам, конечно, уже неважно от этой встречи, ведь она на несколько часов оторвала вас от ваших мыслей, целиком поглощенных другим...

– Идем, мама!

– О, замолчи же! – в сердцах прикрикнула на нее Анжелика.

– Что касается меня...

Жоффрей де Пейрак обвел растерянным взглядом свои апартаменты, где он со вкусом собрал дорогую мебель, великолепные приборы – убранство, созданное разнообразной жизнью, трудной и страстной, в которой не было места Анжелике.

– ...Я старый морской волк и привык к одиночеству. Если не считать нескольких лет короткого супружества, которые я проживал в вашей очаровательной компании, женщины всегда играли в моей жизни лишь эпизодическую роль. Возможно, вам льстит это. Но такая жизнь породила привычки, которые едва ли располагают к тому, чтобы вновь влезть в шкуру примерного супруга. Корабль у меня небольшой, мои апартаменты тоже невелики... поэтому вот что я предлагаю вам... Давайте на время путешествия вернемся к исходным рубежам и будем считать, что партия закончилась вничью.

– Вничью?

– Останемся каждый на своем месте. Вы – госпожой Анжеликой среди своих друзей... а я здесь... у себя.

Итак, он отвергает ее, отказывается от нее. Он, видно, просто не знает, что с ней делать. И отправляет ее к тем, кто в эти последние месяцы стал для нее как бы семьей.

– Но надеюсь, вы не потребуете от меня еще и забыть все, что вы открыли мне сейчас? – саркастически спросила она.

– Забыть? Нет. Но – не разглашать.

– Идем, мама, – повторяла Онорина, таща ее к выходу.

– Чем больше я над этим думаю, тем больше прихожу к выводу, что было бы ошибкой сказать сейчас вашим друзьям, что когда-то – пусть очень давно – вы были моей женой. Они вообразят, будто вы – моя сообщница.

– Ваша сообщница? В чем?

Он не ответил. Он о чем-то размышлял: его лоб прорезала жесткая складка.

– Возвращайтесь к ним, – бросил он непререкаемым тоном. – Не рассказывайте им ничего. Это бесполезно. Впрочем, они просто сочтут вас безумной. История со сгинувшим и вновь обретенным мужем, на судне которого, сами того не подозревая, вы вдруг оказались, согласитесь, выглядит подозрительно.

Он повернулся к столу, чтобы взять свою кожаную маску, которая защищала его от соленых укусов тумана и взглядов шпионов.

– Не говорите им ничего. Не вселяйте в них подозрения. Тем более что эти люди не очень внушают мне доверие.

Анжелика была уже около двери.

– Поверьте, это взаимно, – процедила она сквозь зубы.

Держа за руку Онорину, она остановилась в проеме двери и повернулась, пожирая его глазами. Он уже надел маску. Это помогло ему скрыть свои чувства.

Это был он, и в то же время это был уже совсем другой человек. Жоффрей де Пейрак и Рескатор. Знатный сеньор-изгнанник и морской пират, которого жизнь заставила отречься от своих прежних привязанностей, выбрать горькое одиночество.

Странно, но сейчас он казался ей ближе, чем несколько минут назад. Она почувствовала облегчение, что теперь может обращаться только к Рескатору.

– Мои друзья обеспокоены, – сказала она, – да, они обеспокоены, монсеньор Рескатор, они хотели бы знать, куда вы везете нас. Согласитесь, несколько странно встретить льды на широте Африки, где мы должны были бы находиться.

Он подошел к черному мраморному глобусу, испещренному странными знаками. Положив на него руку – руку патриция, но темную от загара, словно у араба, – он пальцем провел по инкрустированной золотом линии. После долгого молчания он, словно вспомнив о ней, как-то безразлично ответил:

– Скажите им, что дорога на Север тоже ведет к Островам.

Глава X

Граф Жоффрей де Пейрак, иначе – Рескатор, проскользнул в люк и быстро спустился по отвесному трапу в трюм. Следуя за несущим фонарь мавром в белом бурнусе, он углубился в узкие лабиринты коридоров.

Мерное покачивание корабля, которое он ощущал под ногами, подтверждало его уверенность: опасность миновала. Хотя судно еще шло в густом холодном тумане, который покрыл палубу и мостики налетом инея, что могло бы тревожить, он знал: все будет хорошо. «Голдсборо» скользил по воде с легкостью судна, которому ничто не угрожает.

Он, Рескатор, знал все опасности, он угадывал их по тому, как и когда дребезжит и скрежещет все, от корпуса до мачт, что составляет огромное тело его корабля, построенного для полярных морей по его собственным чертежам на главной судовой Северной Америки в Бостоне.

Он шел, касаясь рукой влажного дерева, но скорее не для того, чтобы опереться, а чтобы ощутить контакт с остовом мужественного непобедимого корабля.

Он вдыхал его запахи: запах секвойи, привезенной с гор Кламат из далекого Орегона, запах белой сосны с верховьев Кеннебека и с горы Катанден в Мэне – в его Мэне! – запахи, которые не могла забить пропитавшая их морская соль.

«В Европе не сыщешь такого прекрасного леса, как в Новом Свете», – подумал он.

Высота, мощь деревьев, великолепная зеленеющая листва – все это было для него просто откровением, когда он в первый раз ступил на эту землю, хотя он-то немало повидал на своем веку.

«Открытие мира бесконечно, – продолжал он размышлять. – Каждый день приходится признавать, что мы, по существу, пребываем в невежестве в своих познаниях о нем... Всегда все можно начать сначала... Природа и все, что она создала, существуют для того, чтобы поддерживать нас и побуждать идти вперед».

Однако долгая ночная борьба против разбушевавшегося моря и льдов не принесла его сердцу обычного умиротворения; да, он не чувствовал ни радости от одержанной победы, ни нового заряда внутренней энергии, как бывало всегда.

А умиротворение должно было бы придать ему сил для другой бури, которая, хотя он выдержал ее напор, опустошила его душу.

Мог ли он представить себе фарс – он пока еще не решался произнести слово «драма», – где бы гнусность соперничала с бестактностью?

Он всегда пытался проникнуть в суть каждого явления. В жизни женщин, пожалуй, зачастую больше фарса, чем драмы. Даже когда речь шла о его собственной жене – женщине, которую он, к своему великому сожалению, конечно, ценил выше других, – он не мог подавить в себе желания саркастически расхохотаться, вновь воспроизводя эпизоды драмы: объявляется давно забытая супруга, не узнает его и, мало того, собирается просить у него благословения, чтобы соединиться узами брака с новым возлюбленным. Его величество случай, как известно, не скупится на забавные проделки. Но здесь перейдены все границы. Должен ли он, Жоффрей де Пейрак, благословлять его? Благодарить его, быть может? Довестись этому забавному гримасничающему случаю, который только сейчас представил его глазам угасший призрак прекрасной любви, далекой молодости?

Ни ему, ни Анжелике не нужно такое возвращение в прошлое. Тогда к чему был сегодняшний разговор? И если она даже не хотела признать его, не проще ли отпустить свою бывшую жену к дорогому ее сердцу протестанту?

Дневной свет, пробившийся через порт, ослепил его с той же ранящей ясностью, как и эта очевидная мысль, мелькнувшая в его мозгу.

«Глупец! Чего ради ты пережил сто жизней, столько раз избежал смерти, если все еще скрываешь свою собственную правду от самого себя! Признайся, ты просто не мог отдать все на волю случая, *потому что не перенес бы этого*».

Охваченный гневом, он огляделся. Несколько измученных матросов спали в гамаках или на грубо сколоченных топчанах, расположенных под лафетами пушек, но порты были открыты, потому что на этой второй батарее, спрятанной в тесном трюме, не хватало воздуха. В этом рейсе ему пришлось разместить там часть команды, чтобы нижнюю палубу под полубаком предоставить пассажирам.

Время от времени в трюме через порты всплескивалась морская вода, и кто-нибудь из спящих бормотал сквозь сон ругательства.

Как раз примерно на уровне этого трюма проходила ватерлиния. Слышно было, как шумели и бились о борт волны. Через порты их можно было бы тронуть рукой, словно больших прирученных зверей.

Он подошел к одному из портов. Из-за близости моря день казался серо-зеленым.

Всегда такой внимательный по отношению к людям своего экипажа, Жоффрей де Пейрак сейчас словно не видел их. Длинные бледно-зеленые волны, перекатывающиеся в темноте, в которых то и дело проскальзывали льдины, неотвратимо вызывали в его памяти зеленые глаза, близость с которыми он пожелал отвергнуть.

«Нет, я не перенес бы этого! – повторил он. – Для этого нужно, чтобы она стала совсем безразлична мне... Значит, она мне не безразлична!..»

Признание, сделанное наконец самому себе, вряд ли поможет упростить ситуацию. Увидеть ясно не всегда означает найти наиболее легкий выход. Он мог сказать себе, что уже достиг возраста, когда мужчина вступает во вторую половину жизни и умеет достаточно твердо побороть свои внутренние противоречия. Дорога ненависти, отчаяния, зависти всегда казалась ему слишком бесплодной, чтобы идти по ней. Ему удавалось миновать и дорогу ревности – но только до того дня, когда он получил сообщение о том, что «вдова» графиня де Пейрак с радостью вступила в брак с беспутным красавцем-маркизом дю Плесси-Бельером. Тогда он еще смог пережить разочарование! По крайней мере, он так думал.

Рана, конечно, была более глубокой, из тех нехороших ран, которые быстро закрываются, но ткань под ними или гноится, или отмирает. Про раны ему все объяснил его друг – арабский врач Абд эль-Мешрат, когда лечил его ногу; он заставлял зияющую рану держать открытой до тех пор, пока всё – нервы, мускулы, сухожилия – не вернется в норму и не начнет выполнять свои определенные природой функции.

Как бы то ни было, но он страдает из-за женщины, которой больше не существует, которая не может возродиться.

И тут, глядя на море, он вновь подумал о бездонных зеленых глазах и в сердцах захлопнул деревянную крышку порта.

Мавр Абдулла в ожидании стоял за его спиной, готовый потушить фонарь.

– Нет, пойдем дальше, – сказал он ему.

И, подняв крышку сходного люка на полу батарее, он спустился вслед за мавром в следующий колодец темноты. Но все это было настолько привычно ему, что не отвлекало от его мыслей.

Как ни старался, он все-таки не смог в это утро уйти от наваждения – Анжелики. Впрочем, отчасти из-за нее он спускался сейчас в самую глубину трюма.

Раздражение, злость, растерянность – он и сам не знал, какое чувство преобладало сейчас в нем. Но – увы! – только не безразличие! Словно в тех чувствах, которые пробудила в нем женщина, пятнадцать лет назад переставшая быть его женой и предавшая его

за эти годы всеми возможными способами, не было ничего сложного, словно это было просто желание!

Почему она так странно, так неожиданно для него рванула свой корсаж и показала ему плечо, клейменное цветком лилии?

Но его заворожил не столько вид этого позорного клейма, сколько величественная красота ее спины. Он, утонченный эстет, знающий толк в женской красоте, был ослеплен ею.

Тогда, прежде, ее спина не была так прекрасна, Анжелика еще только-только избавлялась от девичьей хрупкости. Когда он женился на ней, ей было всего семнадцать лет. Теперь он вспоминал, как, лаская ее юное невинное тело, он думал иногда о той красоте Анжелики, которая придет с годами, с материнством и с почитанием, от которых она бы расцвела.

И вот не он, а другие привели ее к этому расцвету, к этому совершенству. Во всей своей красе она предстала перед ним в минуту, когда он меньше всего ожидал этого. Освобожденное от мрачных, плохо сшитых одежд, ее открывшееся его взгляду тело неумолимо вызывало в памяти статуи богини плодородия, какие часто можно увидеть на островах Средиземного моря. Сколько раз он любовался ими, говоря себе, что – увы! – так редко приходилось ему встречать подобное совершенство в жизни.

Сегодня, в сумраке салона, он был поражен еще больше, чем тогда в Кандии. Молочная белизна ее тела, вдруг возникшая в предрассветном, тоже молочном свете северного утра, движение плеч, сильных, но в то же время мягких и четких очертаний, ее крепкие гладкие руки, затылок под зачесанными вверх волосами, едва заметная впадинка на шее свидетельствовала о своего рода невинности, – все это пленило его с первого взгляда, и он подошел к ней, пронизанный ошеломляющим чувством, что она стала еще прекраснее, чем тогда, когда принадлежала ему.

Как она взбунтовалась! Как она защищалась! Можно было подумать, что она забьется в припадке падучей, если он попытается настаивать. Так что же так испугало ее в нем? Его маска? Та таинственность, которая окружает его? Или мысль, что она сейчас столкнется с чем-то неприятным ей?

Выходит, он не привлекает ее, это самое меньшее, что можно сказать. Ее взоры явно устремлены не к нему.

– Идем, идем, – с нетерпением сказал он мавру. – Я же сказал тебе, мы спустимся в нижний трюм, в отсек для пленников.

«Они клеймили ее цветком лилии, – подумал он. – За какое преступление? За проституцию? Неужели она докатилась до этого? Почему? Что привело ее к этим странным гугенотам, почему она подпала под их влияние? Раскаявшаяся грешница? Да, это похоже. Женщины так слабы духом...»

Он и сам не знал, смог ли бы с легкостью ответить на эти вопросы, которые все больше будоражили его душу.

«Клейменная цветком лилии... Я познал застенки палача, холодный ужас тех мест, где творят гнусности... Страх, который может внушить жаровня с лежащими в ней докрасна раскаленными непонятными инструментами... Для женщины это большое испытание! Как она перенесла все? За что? Следовательно, король, ее любовник, не защищал ее больше?»

Они спускались в темный трюм. Там не было слышно даже шума моря. Можно было только чувствовать его, тяжелое и волнующееся, за таким тонким для его громады мокрым деревом борта. Даже изнутри борт был покрыт влагой. Жоффрей де Пейрак вспомнил сырые своды комнат пыток в Бастилии и Шатле. Зловещие места, и все же они никогда не преследовали его в сновидениях в годы, пробежавшие после его ареста и суда в Париже. Он вышел из этих испытаний едва живой, но живой, и этого было достаточно.

Но женщина? Особенно Анжелика! Он не мог представить себе ее в этих ужасных застенках.

Они ставили ее на колени? Срывали с нее рубашку? Она громко кричала? Вопила от боли? Он прислонился к липкой переборке, и мавр, думая, что его господин хочет осмотреть трюм, у входа в который они стояли, высоко поднял фонарь.

В тусклом свете стали видны окованные железом сундуки и множество каких-то блестящих предметов, хорошо укрепленных, чтобы они не упали при качке, формы которых поначалу трудно было разглядеть.

Потом стали различимы кресла, столы с резьбой и валютами и еще множество ваз и самых разных предметов из чистого золота, а иногда даже из «малого серебра», иначе говоря, из платины. Пламя плясало, пробуждая волшебное тепло благородных металлов, которых не могли попортить ни морская вода, ни морская соль.

– Ты любишь своими сокровищами, мой господин? – спросил мавр гортанным голосом.

– Да, – ответил де Пейрак, на самом деле ничего не видя.

Он двинулся дальше и вдруг, когда в глубине узкого прохода чуть не налетел на тяжелую, обитую медью дверь, взорвался:

– На черта нам теперь все это золото!

Его покупатели в Испании тщетно будут ждать их прихода. Из-за этих гугенотов он вынужден был отправиться в обратный путь, не закончив своего, как он предполагал, последнего «золотого» рейса, конечной целью которого было соглашение с негоциантами – с теми, с кем он в дальнейшем намеревался вести дела. И все это ради женщины, которую он даже не рассчитывал удержать. Да, никогда еще ему не доводилось совершать в делах подобные промахи. Но ведь гугеноты ему заплатят? И заплатят немало! Так что, в конце концов, все обернется к лучшему.

Глава XI

Пальцем он бесшумно отодвинул заслонку, скрывающую зарешеченное окошечко, и приник к нему, чтобы взглянуть на пленника.

Тот сидел прямо на полу около большого фонаря, который давал ему свет и тепло разом, правда и то и другое – весьма скудно. Его скованные цепью руки лежали на коленях, и вид у него был покорный. Жоффрей де Пейрак не верил этому смирению. Он слишком много повидал на своем веку людей, чтобы не суметь распознать человека с первого взгляда. То, что Анжелика, некогда такая утонченная, смогла полюбить этого толстого и хладнокровного гугенота, повергало его в черную ярость.

Гугеноты, конечно, ведут свои дела почти во всех частях света. Они мало приспособлены к физическому труду, очень редко занимаются сельским хозяйством, но и мужчины и женщины у них твердого закала. Он восхищался их коммерческой честностью, которая гарантировалась всем сообществом, их глубокой культурой, их знаниями языков, в то время как многие из тех, кто окружал его раньше, его единомышленники, знатные французские дворяне, проявляли в этом прискорбное невежество и даже не представляли себе, что думающие существа могут существовать вне их узкого круга.

Особенно он ценил силу единения гугенотов, которую породила их религия, суровая и к тому же гонимая. Гонимое меньшинство, которое считало себя «солью земли». Но какого дьявола женщина знатного происхождения, католичка, какой была Анжелика, путается с этими ригористичными и угрюмыми коммерсантами? Чудом избежав опасности в странах ислама, куда она бросилась бог знает почему, не ищет ли она и теперь возможности продолжить свои «подвиги», которые совершала при дворе короля Франции? Думая о ней, он всегда видел ее блистательной дамой в сияющем огнями Версале, и нередко вынужден был признаваться себе, что именно для этого она и создана. Маленькая гордячка, которая начинала осознавать свою власть, не обдумывала ли она мечту возвыситься до трона короля Франции еще тогда, когда он привез ее на свадьбу Людовика XIV в Сен-Жан-де-Люз? Уже в то время она была самая красивая, на ней были самые роскошные драгоценности, но мог ли он тогда похвастаться, что навсегда покорило это юное сердце? Кто знает, какими мечтами женщины куют свое счастье?... Для одной вершиной счастья будет жемчужное кольцо, для другой – взгляд короля, для третьей – любовь какого-нибудь единственного существа, а для кого-то – маленькие радости домашнего хозяйства, ну, к примеру, удавшееся варенье...

Но Анжелика?... Он никогда наверняка не знал, что таится под гладким лбом этой женщины-ребенка, которая спала рядом с ним, усталая и удовлетворенная после первых утех любви.

А позже, много позже, когда он узнал, чего она достигла в Версале, он подумал: «Это справедливо. В сущности, она для того и создана». И разве не она была признана – сразу же! – самой красивой рабыней на Средиземноморье?

Даже в своей наготе она была величественна. Но когда он неожиданно увидел ее в простой юбке служанки, связанной какими-то узами с торговцем водкой и соленьями, большим почитателем Библии, – тут было от чего потерять рассудок! Никогда не забудет он, как она прибежала к нему вся в слезах, растерянная... Она так разочаровала его своим видом, что он даже не почувствовал жалости к ней.

Мальтиец, охранявший карцер, подошел к нему со связкой ключей в руке.

По знаку хозяина он открыл окованную медью дверь. Жоффрей де Пейрак вошел. Габриэль Берн вскинул голову. Несмотря на бледность, взгляд у него был ясный.

Они молча посмотрели друг на друга, ларошелец не торопился требовать объяснения, почему его подвергли такому нечеловеческому обращению. Дело было не в том. Если этот господин Рескатор в черной маске спустился, чтобы нанести ему визит, то, ясное дело, не ради того, чтобы в чем-то упрекать его или угрожать. Между ними стоит другое – женщина.

Габриэль Берн с подчеркнутым вниманием изучал одежду своего тюремщика. Он мог бы буквально с точностью до луидора оценить ее стоимость. Все в ней было изысканно: кожа, бархат, дорогое сукно. Сапоги и пояс из Кордовы и, судя по всему, выполнены по заказу. Камзол из итальянского бархата, из Мессины, он готов держать пари, что так. Господину Кольберу во Франции, как он ни старается, пока еще не удалось изготовить бархат такого качества. Да, все изысканно, вплоть до скомканной маски, она тоже изделие искусного ремесленника: твердая и в то же время очень тонкая. Каким бы ни было лицо, которое скрывается под маской, что-то и в неброской роскоши его одежды, и в том, как он носит ее, выдает в нем женского обольстителя. «Все женщины легкомысленны, – с горечью заключил мэтр Берн, – даже самые разумные с виду...»

Что произошло этой ночью между сударыней Анжеликой, бедной обездоленной изгнанницей, и пиратом-краснобаем, привыкшим одаривать себя женщинами так же, как он украшает себя драгоценностями и перьями?

При этой мысли Берн стиснул кулаки и его обескровленное лицо слегка покраснело.

Рескатор склонился к нему, положил руку на заскорузлый от крови плащ торговца:

– Ваши раны снова открылись, мэтр Берн, а вы вот в трюме. Элементарное благообразие должно было бы подсказать вам, что хотя бы этой ночью на борту корабля требовалось соблюдать дисциплину. Ведь ясно, что, когда судно в опасности, первейший долг пассажиров – не порождать никаких инцидентов и ни при каких обстоятельствах не совершать действий, которые могут угрожать жизни всех.

Берн не дал себя запугать:

– Вы знаете, почему я вел себя так. Вы незаконно задержали одну из наших женщин, которую имели дерзость призвать к себе, словно... словно рабыню. По какому праву?

– Я мог бы вам ответить: по праву владельца. – И Рескатор продемонстрировал свою самую сардоническую улыбку. – По праву хозяина добычи!

– Но мы доверились вам, – сказал Берн, – и...

– Нет!

Рескатор откинул скамеечку и сел в нескольких шагах от пленника. В красноватом свете фонаря можно было четко увидеть разницу между ними: один тучный, словно какая-то глыба, другой подтянутый, к тому же защищенный латами своей иронии. Когда Рескатор сел, Берн отметил про себя, с каким изяществом и естественностью откинул он полу своего плаща, как бы случайно положив руку на рукоятку своего длинного серебряного пистолета.

«Дворянин... – сказал он себе. – Разбойник, но разбойник знатного рода, в этом можно не сомневаться. Что я перед ним?»

– Нет! – повторил Рескатор. – Вы не доверились мне. Вы не знали меня, вы не заключали со мною никакого контракта. Вы прибежали ко мне на судно, чтобы спасти свои жизни. И я вас принял на борт, вот и все. Однако не думайте, что я отказываюсь исполнить долг гостеприимства. Вы лучше размещены, вас лучше кормят, чем моих матросов, ни одна из ваших женщин или девушек не может пожаловаться, что кто-нибудь обошелся с ней грубо или просто докучал ей.

– Госпожа Анжелика...

– Госпожа Анжелика даже не гугенотка... Я знал ее задолго до того, как она увлеклась чтением Библии. Я не причисляю ее к вашим женщинам...

– Но она скоро станет моей женой! – бросил Берн. – И поэтому я обязан защищать ее. Вчера вечером я обещал вырвать ее из ваших лап, если она не вернется к нам через час.

Он подался всем телом вперед, и цепи, сковывающие его руки и ноги, звякнули.

– Почему дверь пушечной палубы была закрыта на засов?

– Чтобы доставить вам удовольствие высадить ее плечом, как вы это и сделали, мэтр Берн.

Терпение начинало покидать ларошельца. Он очень страдал от своих ран, но душевные и сердечные муки терзали его куда ужаснее. Он провел эти последние часы в полузабытьи, и ему временами чудилось, будто он снова в Ла-Рошели, в своей лавке, с гусиным пером в руке, склонился над расходной книгой. Ему уже не верилось, что была та праведная размеренная жизнь, которую он вел доселе. Все его беды начались на этом проклятом судне с той жестокой ревности, что жгла его, путала его мысли. Он даже не знал, как назвать это чувство, ибо раньше никогда не испытывал ничего подобного. Он хотел бы освободиться от него, словно от одежды, пропитанной отравленной кровью Несса. Он испытал почти физическую боль – как если бы его ударили кулаком, – когда этот человек сказал ему, что Анжелика не принадлежит к их числу. Потому что это была правда. Она пришла к ним, она приняла самое горячее участие в их бунте и их борьбе, она спасла их, когда им угрожала опасность, но все же она оставалась вне их сообщества, была иной породы.

Ее тайна, такая близкая и вместе с тем непостижимая, делала ее еще более обольстительной.

– Я женюсь на ней, – сказал он решительно, – при чем тут то, что она не нашей веры? Мы не так нетерпимы, как вы, католики. Я знаю ее, она заслуживает уважения, она преданная, мужественная... Не знаю, монсеньор, кем она была для вас, при каких обстоятельствах вы встретились с ней, но знаю, кем она стала в нашем доме, для моей семьи, и этого мне достаточно!

Его терзала тоска по минувшим дням, когда в его доме проворно хлопотала скромная служанка, которая мало-помалу как-то незаметно осветила его жизнь.

Он был бы очень удивлен, обнаружив, что его собеседника терзают те же чувства, что и его: ревность, сожаление. А Жоффрей де Пейрак думал: «Выходит, торговец знает о ней нечто такое, чего не знаю я. Он здесь для того, чтобы напомнить мне, что она жила и для других и что я уже давным-давно потерял ее».

– Как давно вы знаете ее? – громко спросил он.

– По правде сказать – не больше года.

Жоффрей де Пейрак отметил про себя, что Анжелика солгала ему. С какой целью?

– Откуда вы узнали ее? Как она попала к вам в дом служанкой?

– Это мое дело! – раздраженно ответил Берн и, почувствовав, что его слова задели Рескатора, добавил: – Вас оно не касается.

– Вы ее любите?

Гугенот промолчал. Для него это была запретная тема. Вопрос оскорбил его, словно какое-то бесстыдство. Насмешливая ухмылка противника явно показывала, что тот нащупал его слабое место.

– О, как же тяжело для кальвиниста произнести слово «любовь». Оно содрало бы кожу на ваших губах.

– Сударь, мы должны любить одного только Бога. Вот почему я не произнесу этого слова. Наши земные привязанности недостойны Его. В глубине наших сердец – только Бог.

– Но женщина – в глубине всего нашего существа! – резко сказал Рескатор. – Мы все носим ее в наших жилах. И тут мы ничего не можем поделать, ни я, ни вы, мэтр Берн... ни кальвинист, ни католик.

Он встал, нетерпеливым движением отбросил к стене скамеечку, склонился к гугеноту и с гневом произнес:

– Нет, вы ее не любите! Такие мужчины, как вы, не любят женщин. Они их терпят. Они пользуются ими и желают их, но это не одно и то же. Вы желаете эту женщину и хотите жениться на ней, чтобы жить в согласии с вашей совестью.

Габриэль Берн стал пунцовым. Он попытался приподняться, и частично ему это удалось.

– Такие мужчины, как я, не должны принимать уроков, которые преподает пират, разбойник, грабитель судов.

– Что вы об этом знаете? Каким бы пиратом я ни был, мои советы оказались бы нелишними человеку, решившемуся взять себе в жены женщину, из-за которой вам позавидовали бы короли. Разве только вы обратили на нее свой взор, мэтр Берн?

Торговцу удалось наконец стать на колени. Он прислонился к переборке. Потом повернулся к Рескатору, и его взгляд из-за лихорадки казался взглядом безумного. Берн был в полном смятении.

– Я долго пытался забыть... – сказал он, – забыть тот вечер, когда впервые увидел ее с распущенными до плеч волосами... на лестнице... Я не хотел оскорблять ее в своем доме, я постился, молился... Часто я вскакивал по ночам, гонимый искушением, зная, что она рядом, под моей крышей, не мог спать...

Он стоял согнувшись, но задыхался не столько от физической боли, сколько от унижения, от мысли, что его вынудили признаться в самом сокровенном, и Рескатор с удивлением наблюдал за ним.

«Ах, торговец, торговец, не такая уж между нами большая разница, – думал Рескатор, – и я тоже вскакивал по ночам, когда эта дикая козочка терзала меня, закрыв предо мною дверь своей спальни, я, правда, не постился и не молился, но с грустью разглядывал себя в зеркале и обзывал дураком».

– Да, с этим трудно смириться, – пробормотал он, как бы разговаривая сам с собою. – Обнаружить, что ты одинок и бессилен перед таким естественным: перед Морем, перед Одинокостью, перед Женщиной... Когда приходит час противостоять им, мы не знаем, как нужно поступить. Но отказаться от битвы? Немыслимо!

Берн снова рухнул на соломенный тюфяк. Он задыхался, по его вискам струился пот. То, что он сказал сейчас Рескатору, было настолько непривычно для него, что он усомнился в реальности их разговора. Да и сам Рескатор, шагавший взад и вперед по этому смрадному и грязному карцеру, в его полумраке, как никогда, походил на злого духа. Берн продолжал отчаянно защищаться.

– Вы говорите о женщине кощунственно, – сказал он, отдышавшись, – говорите так, словно женщина – какой-то предмет, какое-то непонятное существо.

– Но ведь так оно и есть. И не надо ни слишком презрительно относиться к власти женщины, ни слишком поддаваться ей. Море тоже прекрасно. Но вы рискуете погибнуть, если пренебрежете его могуществом, и также погибнете, если вам не удастся покорить его... Видите ли, мэтр Берн, я всегда начинаю с того, что склоняюсь перед женщиной, молодой или старой, красивой или уродливой.

– Вы смеетесь надо мною.

– Я открываю вам свои тайны обольщения. Сумеете ли вы ими воспользоваться, господин гугенот!

– Вы пользуетесь своим положением, чтобы унижить и оскорбить меня. Вы презираете меня, потому что вы знатный сеньор или, во всяком случае, были им, а я всего-навсего простой буржуа.

– Оставьте заблуждения. Если, вместо того чтобы слепо ненавидеть меня, вы возьмете на себя труд подумать, вы поймете, что я разговариваю с вами как мужчина с женщиной, на равных. Я уже давно научился ценить в любом человеке только его человеческие качества. Между мною и вами есть лишь одно различие: я имею перед вами преимущество потому, что познал все: я жил, не имея хлеба, не имея ничего, кроме слабого дыхания жизни. Вам это неведомо. Но, можно не сомневаться, все еще впереди. Что же касается оскорблений, то ведь и вы не удержались от них: разбойник, жалкий грабитель.

– Да, допускаю, – ответил Берн, тяжело дыша. – Но сейчас сила на вашей стороне, я в вашей власти. Что вы собираетесь сделать со мною?

– Да, вы опасный соперник, мэтр Берн, и если бы я прислушался к голосу разума, то обязательно убрал бы вас со своей дороги. Я оставил бы вас гнить здесь или же... еще лучше... вы знаете, как поступают в подобных случаях пираты, к которым вы меня причисляете: кладут доску, один край которой нависает над морем, и на нее с завязанными глазами заставляют взойти того, от кого хотят избавиться. Но не в моих правилах оставлять все шансы только одному себе. Я люблю побороться. Я игрок. Знаю, иногда это обходится мне слишком дорого. Однако на этот раз бросим кости. Нам плавать еще много недель. Я верну вам свободу. Договоримся так: когда мы достигнем цели нашего путешествия, мы попросим сударыню Анжелику сделать выбор между мною и вами... Почему вы в смятении? Вы не очень уверены в победе?

– Со времен Евы женщины всегда позволяют мужчинам обольщать себя.

– Похоже, что вы не питаете уважения даже к той, кого желаете взять в жены. Уж не думаете ли вы, что то ничтожное оружие, которым вы собираетесь завоевать ее... ваши молитвы, посты и что там еще... привлечет ее к благонравной жизни, которую вы предложите ей в вашей компании... Даже в этих чужих землях, куда мы сейчас направляемся, респектабельность имеет цену. Госпожа Анжелика может оказаться чувствительной к ней.

Рескатор говорил насмешливым тоном. Этот разговор доставлял протестанту невыразимые страдания. Сарказм Рескатора заставлял его глубоко заглянуть в собственную душу, и он заранее с ужасом думал о том, что найдет в ней смятение. Потому что сейчас сомневался в себе самом, в Анжелике, в ценности тех качеств, которые он может противопоставить дьявольской власти того, кто бросает ему перчатку.

– Вы думаете, что завоевать женщину – этого мало? – с горечью спросил он.

– Наверняка... Но ваше положение не так уж плохо, как вы думаете, мэтр Берн, потому что у вас есть еще и другое оружие.

– Какое? – с живым беспокойством спросил пленник, и это сделало его даже симпатичным.

Рескатор разглядывал его. Он думал, не опрометчиво ли он поступает, ради забавы усложняя начатую игру, выигрыш в которой весьма важен для него. Но с другой стороны, сможет ли он когда-нибудь узнать, *кто же такая* Анжелика, что она думает, чего хочет, если противник не получит возможности попытаться удачи?

Он с улыбкой склонился к своему сопернику:

– Знаете, мэтр Берн, если раненый мужчина сумел высадить дверь, чтобы вырвать любимую женщину из рук гнусного обольстителя, и, брошенный в оковах в темницу, еще сохраняет достаточно... ну, скажем, темперамента брыкаться как бык при одном только упоминании о ней, этот мужчина, на мой взгляд, имеет на руках все козыри, чтобы удержать непостоянную женщину. Печать плоти – вот главный козырь нашей власти над женщиной... любой женщиной... Вы мужчина, Берн, настоящий мужчина, прекрасный самец, поэтому, признаюсь вам, я с нелегким сердцем предоставляю вам право сыграть вашу партию.

– Замолчите! – взревел ларошелец, неожиданно потеряв над собою власть, и негодование даже дало ему силы подняться... Он дергал свои цепи, надеясь разорвать их. – Разве

вы не знаете, что сказано в Священном Писании: «Всякая плоть как трава, и всякий ее свет как полевой цветок. Трава засохнет, цветок опадет, когда сверху подует ветер Вечности...»

– Возможно... Но признайтесь, пока ветер Вечности еще не подул, цветок очень желанен.

– Если бы я был папистом, – сказал Берн, – я бы сейчас перекрестился, потому что вы одержимы дьяволом.

Тяжелая дверь уже закрывалась. Шум шагов его мучителя и негромкие голоса, которые что-то говорили по-арабски, стихли. Берн рухнул на тюфяк. Ему казалось, что за несколько дней он прошел путь, подобный пути к смерти. Он вошел в другую жизнь, где все прежние ценности не имеют больше смысла. Что же ему теперь делать?

Глава XII

Анжелика вернулась на нижнюю палубу, где расположились протестанты, почти как сомнамбула. Она вдруг обнаружила, что сидит в углу около зачехленной пушки, где она развесила кое-какую одежду, не помня, как шла по верхней палубе, держа за руку Оно-рину, спускалась по трапам, в тумане обходя свернутые канаты, какие-то ушаты, посудыны с паклей и матросов, драивших палубу. Из всего этого она не увидела ничего...

И теперь она сидела в углу и сама не понимала, когда и почему оказалась там.

– Госпожа Анжелика! Госпожа Анжелика! Где вы были?

Хитрое личико маленького Лорье было обращено к ней. Северина своей худенькой ручкой обняла ее за плечи:

– Ну почему вы молчите?

Дети окружили ее. Все они были укутаны в жалкие лохмотья, в полотнища от материнских юбок, которые матери разорвали, чтобы укрыть от холода своих чад, в их одежде торчали соломинки. Лица детей были бледны, носы покраснели.

Привычным жестом она протянула к ним руки и приласкала:

– Вам не холодно?

– О нет, – быстро ответили они.

Малыш Геден Каррер пояснил:

– Боцман, этот морской карлик, сказал нам, что теплее здесь уже не будет, разве только поджечь корабль, потому что мы находимся неподалеку от полюса, но скоро пойдем опять к югу.

Она слушала их, не слыша.

Взрослые, те держались в стороне и время от времени издали кидали взгляд в ее сторону: одни с ужасом, другие с жалостью. Что означало ее долгое ночное отсутствие? Ее возвращение – увы! – подтверждало самые ужасные догадки и те обвинения, которые Габриэль Берн накануне вечером высказал в адрес хозяина корабля.

«Этот бандит считает, что имеет права на всех нас... на нас, на наших жен и дочерей... Братья мои, теперь мы знаем, мы идем вовсе не на Острова...»

И поскольку Анжелика не возвращалась, Берн решил отправиться на ее поиски. И был очень возмущен, обнаружив, что дверь заперта на ключ. Тогда, несмотря на свои раны, он принялся высаживать ее, помогая себе деревянным молотом, и она наконец дрогнула. Видя, что он не успокоится, Маниго завершил дело, нанеся сокрушительный удар. На пушечную палубу ворвался ледяной ветер, и матери шумно запротестовали, не зная, как защитить от холода детей.

И тут, изрыгая проклятия, неожиданно появились шотландец-боцман и три крепких парня, они схватили Берна и поволокли куда-то в темноту. С тех пор они его не видели.

Потом пришли два плотника, с невозмутимым видом починили дверь и снова заперли ее. Судно жестоко швыряло. Инстинкт подсказал женщинам и детям, что ночь предстоит грозная. Они прижались друг к другу и сидели молча, а мужчины долго обсуждали, как им вести себя, если случится какая-нибудь неприятность с их компаньоном мэтром Берном или с его служанкой.

Увидев, что Анжелика спокойно разговаривает с детьми, Абигель и юная булочница, которые очень любили ее, решились наконец подойти к ней.

– Что он сделал с вами? – шепотом спросила Абигель.

– Что он сделал со мной? – переспросила Анжелика. – Кто это – он?

– Он... ну... Рескатор.

При звуке этого имени в голове Анжелики словно что-то щелкнуло, она поднесла руки к вискам и поморщилась от боли.

– Он? – сказала она. – Но он ничего мне не сделал, почему такой вопрос?

Те, смутившись, не знали, что ответить.

Анжелика даже не пыталась понять причину их смущения.

Одна-единственная мысль не оставляла ее. «Я его нашла, но он меня не признал. Он не признал меня своей женой, – твердила она себе. – Я так мечтала об этом дне, так желала его, так надеялась, и вот... Я и сегодня вдова».

Ее начал бить озноб.

«Это безумие... Что-то невыносимое... просто страшный сон. Сейчас я проснусь».

Маниго, подталкиваемый женой, подошел к Анжелике:

– Нам надо поговорить, госпожа Анжелика... Где Габриэль Берн?

Она взглянула на него, ничего не понимая, и резко ответила:

– Я ничего не знаю!

Он поведал Анжелике о ночном происшествии, вызванном ее отсутствием.

– Не исключено, что этот пират сбросил Берна в море, – вмешался адвокат Каррер.

– Вы сошли с ума!

Она начинала быстро осознавать реальность. Значит, пока она этой ночью спала в каюте Рескатора, Берн, бросившись ей на помощь, учинил скандал. Рескатор, должно быть, знал об этом. Почему он не сказал ей ни слова? Правда, у них был такой серьезный разговор.

– Послушайте, – сказала она, – перестаньте кипятиться и запугивать детей всякими нелепыми предположениями. Если мэтр Берн своим буйством этой ночью, когда одно лишь управление судном требовало напряжения всех сил и от команды, и от капитана, действительно вынудил монсеньора Рескатора на крайние меры, то, я полагаю, он просто где-нибудь изолирован. Я убеждена в этом.

– Увы! Такие люди скоры на расправу, – мрачно сказал Каррер. – И тут вы ничего не поделаете.

– Вы глупы! – крикнула Анжелика, с трудом сдерживаясь, чтобы не вклепить пощечину в его желтое, словно старое сало, лицо.

От крика ей стало легче и еще оттого, что, оглядывая их одного за другим, она говорила себе, что жизнь все же продолжается. В тусклом свете нижней палубы, где из-за холода задраили все порты, ее спутники смотрели на нее, и лица их были такими привычными. Они были здесь, поглощенные своими заботами. И они просто не оставляли ей времени углубиться в свою драму, поставить ее во главу угла.

– Ну что ж, госпожа Анжелика, – сказал Маниго, – если вы требуете, чтобы мы не жаловались вам на агрессивность этого пирата, то ваше право. А вот мы весьма обеспокоены судьбой мэтра Берна. Мы надеялись, что вы знаете, где он.

– Я сейчас узнаю, – сказала она, вставая.

– Не уходи, мама, не уходи! – заревела Онорина, решив, что сейчас она снова на много часов останется одна.

Таща девочку за собой, Анжелика вышла.

На палубе она сразу же увидела Николя Перро. Сидя на куче снастей, он курил трубку, а его индеец, скрестив ноги и склонив голову, словно причесывающаяся девочка, заплетал в косички свои длинные волосы.

– Жестокая была ночь, – сказал канадец с понимающим видом.

«Неужели он что-нибудь знает?» – подумала удивленная Анжелика. Потом поняла, что канадец имеет в виду всего лишь те тяжкие часы, когда они боролись с ураганом и льдами. Команда всю ночь буквально падала с ног от страшного напряжения.

– Нам грозила смертельная опасность?

– Благодарите Бога, что вы пребывали в неведении и что вы живы, – сказал он, крестясь. – Здесь проклятые места. Уж скорее бы вернуться на мой родной Гудзон.

Она спросила, можно ли узнать, где находится один из протестантов, мэтр Берн, пропавший этой бурной ночью.

– Говорят, за неповиновение его заковали в кандалы. Монсеньор Рескатор сейчас у него внизу, допрашивает.

Из всего этого она смогла сообщить своим спутникам только одно: их друг не брошен за борт.

Пришел дежурный матрос с неизменным чаном кислой капусты, кусками солонины и, для детей, с кусочками засахаренных апельсинов и лимонов. Пассажиры с шумом рассаживались. Только еда да еще прогулка в полдень вносили в их жизнь разнообразие. Анжелика получила свою порцию, за которую, покончив со своей, с живостью принялась Онорина.

– Ты не ешь, мама?

– Что ты все время только и твердишь: мама, мама... – сказала раздраженно Анжелика. – Раньше ты так не липла ко мне.

До ее ушей доносились обрывки разговоров.

– Вы убеждены, Ле Галл, что мы вообще не будем проходить Зеленый Мыс? – спросил Маниго.

– Абсолютно, сударь. Мы на севере, далеко на севере.

– А куда же мы попадем при этом курсе?

– В воды, где ловят треску и бьют китов.

– Ура! Мы увидим китов! – крикнул один из мальчиков и захлопал в ладоши.

– И где же мы можем причалить?

– Кто может знать? На Новой Земле или в Новой Франции.

– В Новой Франции? – вскричала жена булочника. – Но ведь там мы попадем в руки папистов. – И она запричитала: – Теперь уже все ясно: этот бандит решил продать нас.

– Замолчите, безмозглая! – решительно вмешалась госпожа Маниго. – Имей вы хоть каплю здравого смысла, вы бы поняли, что бандит не стал бы рисковать своим судном под стенами Ла-Рошели и бросать там якорь ради того, чтобы потом продать нас на другом конце океана.

Анжелика с удивлением взглянула на госпожу Маниго. Жена судовладельца, как всегда величественная, восседала на перевернутом деревянном чане. Сиденье, возможно, не слишком удобное для ее полной фигуры, но это не умаляло аппетита, с которым она ела из восхитительной дельфтской тарелки серебряной ложкой.

«Ого, она все же исхитрилась пронести их под своими юбками, когда садилась на корабль», – мелькнула у Анжелики мысль.

Мэтр Маниго не без досады взял на себя труд разъяснить своей супруге:

– Вы просто удивляете меня, Сара! Вы говорите ерунду, и только потому, что хозяин этого судна счел своим долгом угодить вам... вашей причуде, подарив вам эту тарелку, совсем утратили здравый смысл. Я привык к тому, что вы рассуждаете более логично.

– Мои рассуждения не глупее ваших. Человек, который умеет с первого взгляда уловить общественное положение, благородство и понять, кому прежде всего должен оказать внимание, такой человек, я не говорю – внушает доверие, но утверждаю – не глуп.

Она нерешительно обернулась к Анжелике:

– А что вы думаете об этом, госпожа Анжелика?

– О чем вы? – спросила Анжелика, от которой все время ускользала нить их разговора.

– Да о нем! – хором вскричали женщины. – О хозяине «Голдсборо»... пирате в маске... о Рескаторе! Госпожа Анжелика, вы же знаете его, скажите нам, кто он?

Анжелика растерянно уставилась на них. И это ей задают такой вопрос! Ей! В тишине послышался голос маленькой Онорины:

– Я хочу палку. Я хочу убить Черного человека.

Маниго пожал плечами и возвел к балкам подволока глаза, призывая всех в свидетели глупости женщин:

– Вопрос не в том, чтобы узнать, кто он, а в том, куда он нас везет. Вы можете сказать нам это, госпожа Анжелика?

– Сегодня утром он снова заверил меня, что везет нас на Американские острова. Северный путь тоже ведет туда, как и южный.

– Вот те на! – вздохнул судовладелец. – А что ты думаешь об этом, Ле Галл?

– Что ж, черт побери, это возможно... Северным путем пользуются редко, но, если идти вдоль американского берега, мы должны в конце концов прийти в Карибское море. Возможно, наш капитан предпочитает этот путь более привычному, где много судов...

Неожиданно и неслышно вдруг появился боцман и жестами показал им, что они могут подняться на палубу. Несколько женщин остались, чтобы навести порядок.

Анжелика снова погрузилась в свои мысли.

– Почему ты спишь, мама? – спросила Онорина, видя, что она закрыла ладонями лицо.

– Оставь меня в покое!

Но постепенно Анжелика все же выходила из оцепенения. Голова, правда, продолжала оставаться тяжелой, словно от удара. И тем не менее истина начинала проясняться в ее мозгу. То, о чем она столько мечтала, свершилось не так, как ей представлялось, но свершилось. Ее много лет оплакиваемый муж уже больше не далекий фантом, блуждающий неведомо где, а вполне реален, тут, рядом с нею. Думая о нем, она сейчас говорила себе: «Он». Ей трудно было называть его Жоффреем, – настолько он казался ей непохожим на того, кого она некогда называла этим именем. Но он уже не был для нее и Рескатором, таинственным незнакомцем, который необъяснимым образом так притягивал ее.

Но этот человек не любит ее, не любит больше!

«Но что же я сделала такого, что он не любит меня больше? Из-за чего он так сомневается во мне? Разве я стану упрекать его за те годы, когда в его жизни для меня не было места? Ведь ни он, ни я – никто из нас не хотел этой разлуки. Так почему же не попытаться вычеркнуть ее из жизни, забыть? Но мужчины рассуждают совсем иначе, с этим надо считаться. Из-за кого – из-за Филиппа или же из-за короля он не любит меня больше? Даже хуже, я стала ему безразлична...»

Ее охватило жуткое беспокойство.

«Может, я просто постарела? Конечно, я, должно быть, очень изменилась за эти несколько недель, ведь перед бегством из Ла-Рошели было столько изматывающих забот...»

Она оглядела свои загрубевшие, потрескавшиеся руки – руки служанки. Есть от чего прийти в ужас знатному эпикурейцу.

Анжелика никогда не придавала чрезмерного значения своей красоте. Конечно, она следила за собой, всегда одевалась со вкусом, но у нее никогда не было страха, что ее красота померкнет или хотя бы потускнеет. Этот дар Божий, разговоры о котором она слышала с детства, как ей казалось, будет с нею вечно, всю ее жизнь. И сегодня впервые она вдруг почувствовала, что красота тоже преходяща. Он убедил ее в этом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.